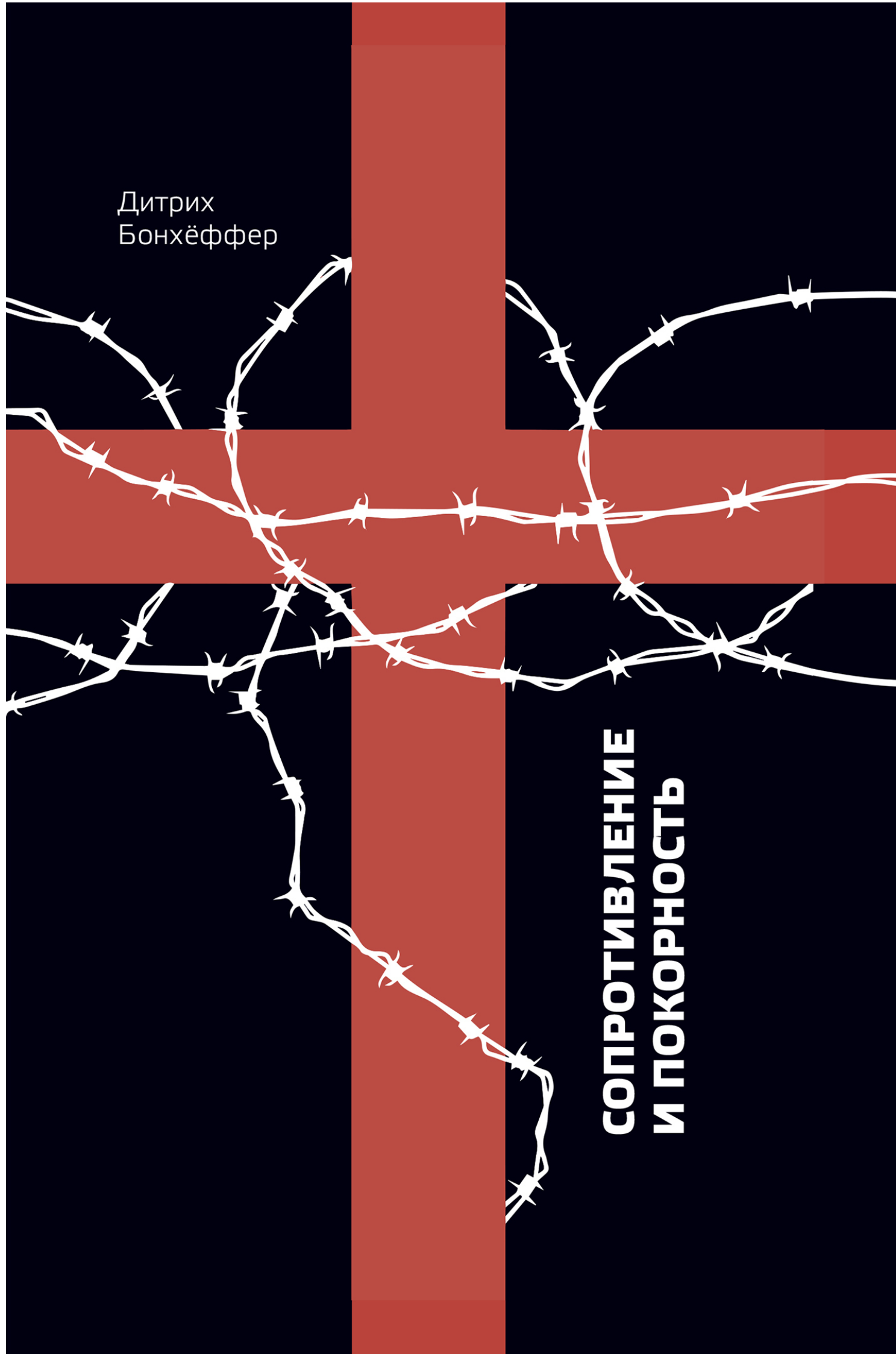

Дитрих
Бонхёффер

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОКОРНОСТЬ

Дитрих Бонхёффер

Сопротивление и покорность

«Издательство Сретенского Монастыря»

Бонхёффер Д.

Соппротивление и покорность / Д. Бонхёффер — «Издательство Сретенского Монастыря»,

ISBN 978-5-7533-0773-6

Дитрих Бонхёффер — один из наиболее значимых богословов XX века, лютеранский пастор, участник антинацистского Соппротивления. Самый известный его текст, «Соппротивление и покорность», представляет собой сборник писем, написанных им в последние годы жизни во время заключения в тюрьмах гестапо. Бонхёффер призывает к ответственной христианской жизни «в миру», к исповеданию своей веры перед лицом самых острых и насущных проблем общества, к активной гражданской и социальной позиции. Эта книга — пронзительный документ мужественного христианского свидетельства в самом эпицентре величайшей катастрофы XX века.

ISBN 978-5-7533-0773-6

© Бонхёффер Д.
© Издательство Сретенского
Монастыря

Содержание

Вступительное слово	5
Предисловие немецкого издателя	7
СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОКОРНОСТЬ	9
СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ	9
ПИСЬМА К РОДИТЕЛЯМ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бонхёффер Дитрих

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОКОРНОСТЬ

Вступительное слово

Четверть века, отделяющая нас от первого русскоязычного издания сборника писем Дитриха Бонхёффера¹, предоставляет богатую пищу для размышления. За прошедший период культурный и интеллектуальный контекст восприятия этого критически важного богословского текста изменился если не радикально, то существенно. Проблемы, стоящие перед сообществом верующих, усложнились, а вместе с ними – и понимание верующими самих себя и своего места в секулярном мире. В этой перспективе пронзительное, пророческое и отрезвляющее свидетельство Бонхёффера обретает новое звучание и раскрывается новыми гранями.

Сегодня есть потребность осмысления пройденного пути, необходимость взглянуть на него спокойно и беспристрастно, дать ему ясную богословскую оценку. Казалось бы, поруганная атеистическим насилием «религия» восторжествовала, разрушенные стены возведены и долги возвращены сторицей, но заполняет ли все это гнетущую и растущую экзистенциальную пустоту? В этом свете Бонхёффер с его одновременно точнейшей богословской интуицией и высочайшими риторическими способностями становится как никогда актуальным вне зависимости от отношения читателя к его богословским идеям, часто спорным, но всегда провоцирующим на самостоятельное мышление. Его опыт свидетельствует о том, что перед лицом тотальных моральных катастроф, подобных беспримесному злу нацизма, конфессиональные привычки и идеологические предрассудки утрачивают значение. Остается только личная христианская ответственность, которую невозможно переложить ни на ближнего, ни на дальнего, ни на традицию, ни на институцию.

Вместе с тем определенная мифологизация Бонхёффера, неизбежная в ходе популяризации его мысли, была связана с идеализацией самой фигуры автора, порой заслоняющей и затемняющей ее напряженность и противоречивость. Письма как наиболее интимные документы позволяют прорваться сквозь слои интерпретаций к раскаленной сердцевине верующей жизни и мысли автора, иногда шокирующей и отклоняющейся весьма далеко от привычного русла христианского богословия. Открытое противостояние злу в его беспримесной форме, каковыми были тоталитарные режимы прошлого столетия, представляет собой высочайший образец активной христианской позиции. Бонхёффер (вслед за Ницше) своим примером разоблачает христианский конформизм, мещанское безразличие и обрядоверие, мягкотелость и теплохладность, ставшие *modus vivendi* массовой религиозности.

Вопрос остается открытым и насущным: каким должно быть христианское бытие и свидетельство во времена великого перелома, когда почва уходит из-под ног, а все привычное рушится, когда торжествующая, самодовольная и удобная религиозность остается не у дел? В средоточии пустого изобилия, механического морализаторства и сонного безволия обнаруживается, что некоторые люди, имеющие открытую христианскую идентичность, поступают совсем не так, как должны были бы. Еще более поразительно следующее: как часто те, кто не носят на себе высокого имени Христа, проявляют чудеса самопожертвования и совершают великий подвиг служения ближнему. В гуще мира, в центре мировых страданий, в сердце отверженных и униженных обитает Бог. Крест есть высшее и совершеннейшее Откровение Бога. Как Христос совлекается славы и предстает в образе распятого и униженного раба, так и святость проявляется там, где никто не ждет и не предполагает: в предельной удаленности

¹ Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.

от респектабельности, пышности и возвышенности, в предельно простой повседневной жизни современного человека. Служить Богу – значит быть в самых дальних и бесславных уголках мира и нести его страдания, служить другим до полного самоотвержения, а не находиться в религиозном месте – месте силы и славы. Если бы христианство оставалось исключительно созерцательным и направленным внутрь, пассивным и индифферентным к миру и его страданиям, оно не стало бы закваской, преобразовавшей историю человечества, не смогло бы придать великое достоинство личности и высшую значимость личному свидетельству истины.

Богословие не есть отвлеченная теория, оно свидетельствует об опыте жизни и борьбы христианского сообщества, которое существует в мире и несет ответственность за все происходящее в нем не в меньшей мере, чем другие сообщества. Как часто современные христиане избирают легкий путь эскапизма и бегства от реальности вместо того, чтобы возвещать истину, служить ближнему и трудиться на благо мира и справедливости. Однако они призваны к жизни в сообществе любви, призваны деятельно свидетельствовать о присутствии Христа в средоточии мира со всеми его опасностями и ужасами. Творчески откликаясь на первохристианское эсхатологическое напряжение, Бонхёффер призывает бодрствовать и жить так, как если бы времена уже исполнились. Христианская истина дана всему миру и всем людям, она освобождает и исцеляет, потому всякая граница между христианством и нехристианством должна быть подвергнута подозрению как желание разделить и установить искусственные барьеры для всепобеждающей и неисчерпаемой Божией любви. Задача предисловия – пригласить к чтению, и я с благодарностью приглашаю читателя к общению с этим обязывающим и удивительным голосом христианства, звучащим несмотря ни на что.

О. Б. Давыдов

Предисловие немецкого издателя

Дитрих Бонхёффер провел первые полтора года своего заключения – с 5 апреля 1943 до 8 октября 1944 г. – в военном отделении тюрьмы Берлин-Тегель. На первых порах ему пришлось испытать ряд неприятностей и придинок, но затем удалось наладить переписку с родителями. Выборка из этих писем составила первую часть данной книги. Тюремные цензоры, и прежде всего следователь, доктор Рёдер, читали эти письма, а это, естественно, накладывало отпечаток на их содержание. Но все же чувствуется сильное желание узника успокоить родственников.

Через полгода Бонхёфферу удалось завязать дружеские отношения с персоналом из охранников и санитаров, так что он смог расширить переписку и обмен записками, в том числе с издателем данной книги. Требовалось лишь соблюдать определенные меры предосторожности. Сообщения о людях, которым грозила опасность, о ходе подпольной деятельности и о состоянии, в котором находилось следствие, формулировались иносказательно, намеками (*verklausuliert*). Но теперь разговор мог продолжаться и длиться до разоблачений заговорщиков после <покушения на Гитлера> 20 июля и «цоссенской находки» (*Zossener Aktenfund*) в сентябре 1944 г. (были обнаружены документы, дневники, материалы, изобличающие деятелей сопротивления, группировавшихся вокруг Канариса, Остера, Ханса фон Донаньи и др.). Все это побудило гестапо ужесточить режим заключения Бонхёффера и перевести его в тюрьму на Принц-Альбрехтштрассе. К сожалению, в результате такого поворота событий и при аресте издателя этой книги в октябре 1944 г. письма, написанные в последний месяц пребывания Бонхёффера в тегельской тюрьме, были уничтожены из соображений безопасности. Прочие письма сохранились в надежном месте. Они составляют вторую часть книги. В них Дитрих Бонхёффер, не опасаясь чужого глаза и без оглядки на реакцию других людей, высказывался о своих мыслях, чувствах и переживаниях.

Вместе с этими письмами он посылает также части своих работ, молитвы, стихотворения, изложения своих мыслей. Прилагая краткий «Отчет о тюремных порядках», он стремился предоставить объективную информацию для своего дяди, генерала фон Хазе, занимавшего в то время пост коменданта города Берлина.

От страницы к странице перед нашими глазами возникает картина тюремного бытия, пережитого и глубоко прочувствованного, в которой самые сокровенные моменты личной жизни и катастрофические события в мире осмысляются в единстве, – в поразительном единстве, свидетельствующем о высоком духе и чутком сердце. Все это подытоживается в потрясающем выводе, приведенном в кратком письме от 21 июля 1944 г. и «Этапах пути к свободе», когда он получил известие о неудавшемся покушении 20 июля и осознал, что его ждет неминуемый конец. Несмотря на колоссальное потрясение от провала этого предприятия, <в письмах> прорывается мысль об ответственности за общество (*für das öffentliche*), чтобы с несломленной новой ответственностью переносить последствия <неудачи заговора> и удвоившиеся страдания. Позднейшие эпохи смогут лучше осознать, что эта вторая ответственность еще раз оправдала первую, наложив на нее печать неразрушимого наследия. Это наследие может пребывать в забвении. Но оно не пропадет.

В тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе контактов <с внешним миром> было мало. От переменчивого всевластия комиссаров зависело, пропускать ли из тюрьмы весточки <родным и друзьям> и просьбы о жизненно важных вещах и допускать ли передачу писем заключенному. Однажды родственники узнали, что Дитрих исчез. Гестапо не давало никаких объяснений о том, куда его перевели. Это произошло в феврале. Лишь летом 1945 г., уже после катастрофы, стал для нас известен этот путь: Бухенвальд – Шёнберг – Флоссенбюрг. Так постепенно рассеивался мрак, окружавший конец Бонхёффера 9 апреля 1945 г.

Фрагментам писем и работам Бонхёффера, над которыми он трудился в заключении, предпослана заметка «Десять лет спустя», написанная на рубеже 1942/1943 гг. и задуманная как рождественский подарок друзьям. Уже тогда доходили предостережения, адресованные в первую очередь Хансу фон Донаньи, о том, что Имперская служба безопасности требует ареста и собирает обвинительный материал. Этот текст сохранился несмотря на обыски и бомбардировки, он был спрятан между черепицами и стропилами на крыше: это еще одно свидетельство о том духе, руководствуясь которым люди тогда действовали, а также переносили страдания.

Август 1951 г.

Эберхард Бетге

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОКОРНОСТЬ

СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В жизни каждого человека десять лет – это большой срок. Время – самое драгоценное (ибо невосполнимое) наше достояние, а потому всякий раз, когда мы оглядываемся назад, нас так гнетет мысль о потерянном времени. Потерянным я назвал бы то время, в котором мы не жили как люди, не собирали опыт, не учились, не создавали, не наслаждались и не страдали. Потерянное время – незаполненное, пустое время. Прошедшие годы, конечно, такими не были. Многое, неизмеримо многое было утрачено, но времени мы не теряли. Надо признать, что знания и опыт, осознаваемые впоследствии, являются лишь абстракциями реальности, самой прожитой жизни. Но если способность к забвению можно, пожалуй, назвать благодатным даром, то память, повторение воспринятого, нужно отнести к ответственной жизни. На следующих страницах я попытаюсь подвести итог тому, что накоплено нами за это время, нашему совместному опыту и знаниям; это не личные переживания, не систематическое изложение, не полемика и отвлеченные теории, а те выводы о человеческой природе, к которым пришли сообща, в кругу единомышленников, изложенные без обдуманного порядка и связанные лишь конкретным опытом; ничего нового здесь нет, все, разумеется, давно известное в прошлом, но для того нам данное, чтобы мы заново пережили и познали его. Невозможно писать об этих вещах, не вкладывая в каждое слово чувства благодарности за испытанную и сохраненную в эти годы общность духа и жизни.

Без почвы под ногами

Знала ли история людей, которые не имели в жизни почвы под ногами, которым все доступные альтернативы современности представлялись равно невыносимыми, чуждыми жизни, бессмысленными, которые искали источник силы по ту сторону всех соблазнов текущего момента, всецело погружаясь в прошлое или будущее, и которые – я не стал бы называть их мечтателями – с таким спокойствием и уверенностью могли ожидать осуществления их дела, – как мы? Или же: отличались ли чувства мыслящих, сознающих свою ответственность людей одного поколения накануне какого-нибудь великого исторического поворота от наших сегодняшних чувств, именно потому, что на глазах рождалось нечто поистине новое, чего нельзя было ожидать от альтернатив сегодняшнего дня?

Кто устоит?

Грандиозный маскарад зла смешал все этические понятия. То, что зло является под видом света, благодеяния, исторической необходимости, социальной справедливости, вконец запутывает тех, кто исходит из унаследованного комплекса этических понятий; для христианина же, опирающегося на Библию, это подтверждает бесконечное коварство зла.

Не вызывает сомнений поражение *«разумных»*, с лучшими намерениями и наивным непониманием действительности пребывающих в уверенности, что толикой разума они способны вправить вывихнутый сустав. Близорукие, они хотят отдать справедливость всем сторонам и, ничего не достигнув, гибнут между молотом и наковальней противоборствующих сил. Разочарованные неразумностью мира, понимая, что обречены на бесплодие, они с тоской отходят в сторону или без сопротивления делаются добычей сильнейшего.

Еще трагичней крах всякого этического фанатизма. Чистоту принципа фанатик мнит достаточной, чтобы противопоставить ее силе зла. Но подобно быку он поражает красную тряпку вместо человека, размахивающего ею, бессмысленно расточает силы и гибнет. Он запутывается в несущественном и попадает в силки более умного соперника.

Человек с *совестью* в одиночку противится давлению вынужденной ситуации, требующей решения. Но масштабы конфликтов, в которых он принужден сделать выбор, имея единственным советчиком и опорой свою совесть, раздирают его. Бесчисленные благопристойные и соблазнительные одеяния, в которые рядится зло, подбираясь к нему, лишают его совесть уверенности, вселяют в нее робость, пока в конце концов он не приходит к выводу, что можно довольствоваться оправдывающей (не обвиняющей) совестью, пока он, чтобы не впасть в отчаяние, не начинает обманывать свою совесть; ибо человек, единственная опора которого – совесть, не в состоянии понять, что злая совесть может быть полезнее и сильнее, чем совесть обманутая.

Надежным путем, способным вывести из чащи всевозможных решений, представляется исполнение *долга*. При этом приказ воспринимается как нечто абсолютно достоверное; ответственность же за приказ несет тот, кто отдал его, а не исполнитель. Но человек, ограниченный рамками долга, никогда не отважится совершить поступок на свой страх и риск, а ведь только такой поступок способен поразить зло в самое сердце и преодолеть его. Человек долга в конечном итоге будет вынужден выполнить свой долг и по отношению к черту.

Но тот, кто, пользуясь своей *свободой* в мире, попытается не ударить в грязь лицом, кто необходимое дело ставит выше незапятнанности своей совести и репутации, кто готов принести бесплодный принцип в жертву плодотворному компромиссу или бесполезную мудрость середины продуктивному радикализму, тот должен остерегаться, как бы его свобода не сыграла с ним злую шутку. Он дает согласие на дурное, чтобы предупредить худшее, и не в состоянии понять, что худшее, чего он хочет избежать, может быть и лучшим. Здесь корень многих трагедий.

Избегая публичных столкновений, человек обретает убежище в приватной *порядочности*. Но он вынужден молчать и закрывать глаза на несправедливость, творящуюся вокруг него. Он не совершает ответственных поступков, и репутация его остается незапятнанной, но дается это ценой самообмана. Что бы он ни делал, ему не будет покоя от мысли о том, чего он не сделал. Он либо погибнет от этого беспокойства, либо сделается лицемернее всякого фарисея.

Кто устоит? Не тот, чья последняя инстанция – рассудок, принципы, совесть, свобода и порядочность, а тот, кто готов всем этим пожертвовать, когда он, сохраняя веру и опираясь только на связь с Богом, призывается к делу с послушанием и ответственностью; тот, кому присуща ответственность, и чья жизнь – ответ на вопрос и зов Бога. Где они, эти люди?

Гражданское мужество?

Что, собственно, прячется за жалобами на отсутствие гражданского мужества? За эти годы мы стали свидетелями храбрости и самопожертвования, но нигде не встречали гражданского мужества, даже в нас самих. Слишком наивно было бы психологическое объяснение, сводящее этот недостаток просто к личной трусости. Корни здесь совсем иные. За долгую историю нам, немцам, пришлось познать необходимость и силу послушания. Смысл и величие нашей жизни мы видели в подчинении всех личных желаний и мыслей данному нам заданию. Глаза наши были уставлены вверх, не в рабском страхе, но в свободном доверии, видевшем в выполнении задачи свое ремесло, а в ремесле – свое призвание. Готовность следовать приказанию «свыше» скорее, чем собственному разумению, проистекает из частично оправданного недоверия к своему собственному сердцу. Кто будет оспаривать, что в послушании, при исполнении приказа, в своем ремесле немец всегда показывал чудеса храбрости и самоотвержения. Но

за свою свободу немец (где еще на свете говорено о свободе с такой страстью, как в Германии, со времен Лютера и до эпохи идеалистической философии?) держался для того, чтобы освободиться от собственной воли в служении целому. Работу и свободу он воспринимал как две стороны одного дела. Но благодаря этому он и просчитался; он не мог представить, что его готовность к подчинению, к самоотвержению при выполнении приказа смогут использовать во имя зла. Как только это произошло, само его ремесло, его труд оказались сомнительными, а в результате зашаталась все нравственные устои немца. И вот выяснилось, не могло не выясниться, что немцу не хватало пока решающего, главного знания, а именно: знания необходимости свободного, ответственного дела, даже если оно идет против твоего ремесла и полученного тобой приказа. Его место заступили, с одной стороны, безответственная наглость, а с другой – самопожирющие угрызения совести, никогда не приводившие к практическому результату. Но гражданское мужество вырастает только из свободной ответственности свободного человека. Только сегодня немцы начинают открывать для себя, что же такое свободная ответственность. Она опирается на того Бога, который требует свободного риска веры в ответственный поступке и обещает прощение и утешение тому, кто из-за этого стал грешником.

Об успехе

Нельзя согласиться с мнением, что успех оправдывает дурные дела и сомнительные средства, но тем не менее не следует рассматривать успех как нечто абсолютно нейтральное с этической стороны. Как ни говори, исторический успех создает почву, на которой только и можно жить в дальнейшем, и еще неизвестно, что является более оправданным – ополчаться ли таким Дон Кихотом против нового времени или, сознавая свое поражение и в конечном итоге примирившись с ним, служить новой эпохе. Успех в конце концов делает историю, а Управитель ее через головы мужей – творцов истории – всегда претворит зло в добро. Неисторически, т. е. безответственно, мыслящие поборники принципов поступают необдуманно, игнорируя этическое значение успеха, и можно только порадоваться, что мы наконец вынуждены всерьез выяснить свое отношение к этической проблеме успеха. До тех пор, пока успех на стороне добра, мы можем позволить себе роскошь считать успех этически нейтральным. Проблема же возникает в том случае, когда успех достигнут дурными средствами. В этой ситуации мы узнаём, что для нашей задачи равно бесполезны как теоретическое, созерцательное критиканство и несговорчивость (то есть отказ встать на почву фактов), так и оппортунизм (то есть капитуляция перед лицом успеха). Ни критиками-ругателями, ни оппортунистами мы не хотим, да и не имеем права, быть, наша цель – разделенная ответственность в созидании истории, участие в ответственности от случая к случаю и в каждое мгновение, участие в качестве победителя или побежденного. Тот, кто не позволяет никаким событиям лишиться себя участия в ответственности за ход истории (ибо знает, что она возложена на него Богом), тот занимает плодотворную позицию по отношению к историческим событиям – по ту сторону бесплодной критики и не менее бесплодного оппортунизма. Разговоры о героической гибели перед лицом неизбежного поражения по сути своей весьма далеки от героизма, поскольку им недостает взгляда в будущее. Последним ответственным вопросом должен быть не вопрос, как мне выбраться из беды, не запятнав репутации героя, но вопрос, как жить дальше следующему поколению. Плодотворные решения (даже если они на какой-то период приносят унижение) могут исходить только из такого вопроса, исполненного ответственности перед историей. Короче говоря, гораздо легче выстоять в каком-либо деле, опираясь на тот или иной принцип, чем взяв на себя конкретную ответственность. Безошибочный инстинкт всегда подскажет молодому поколению, какими побуждениями руководствовались в том или ином поступке, что было решающим – принцип или живая ответственность, ибо от этого зависит его будущее.

О глупости

Глупость – еще более опасный враг добра, чем злоба. Против зла можно протестовать, его можно разоблачить, в крайнем случае его можно пресечь с помощью силы; зло всегда несет в себе зародыш саморазложения, оставляя после себя в человеке по крайней мере неприятный осадок. Против глупости мы беззащитны. Здесь ничего не добиться ни протестами, ни силой; доводы не помогают; фактам, противоречащим собственному суждению, просто не верят – в подобных случаях глупец даже превращается в критика, а если факты неопровержимы, их просто отвергают как ничего не значащую случайность. При этом глупец, в отличие от злодея, абсолютно доволен собой; и даже становится опасен, если в раздражении, которому легко поддается, он переходит в нападение. Здесь причина того, что к глупому человеку подходишь с большей осторожностью, чем к злому. И ни в коем случае нельзя пытаться переубедить глупца разумными доводами, это безнадежно и опасно.

Можем ли мы справиться с глупостью? Для этого необходимо постараться понять ее сущность. Известно, что глупость не столько интеллектуальный, сколько чисто человеческий недостаток. Есть люди чрезвычайно сообразительные и тем не менее глупые, но есть и тяжелодумы, которых можно назвать как угодно, но только не глупцами. С удивлением мы делаем это открытие в определенных ситуациях. При этом не столько создается впечатление, что глупость – прирожденный дефект, сколько напрашивается вывод, что в определенных обстоятельствах люди оглупляются или сами дают себя оглуплять. Мы наблюдаем далее, что замкнутые и одинокие люди подвержены этому недостатку реже, чем люди и группы людей, склонные к общительности (или обреченные на нее). Поэтому глупость представляется скорее социологической, чем психологической проблемой. Она не что иное, как реакция личности на воздействие исторических обстоятельств, побочное психологическое явление в определенной системе внешних отношений. При внимательном рассмотрении оказывается, что любое мощное усиление внешней власти (будь то политической или религиозной) поражает значительную часть людей глупостью. Создается впечатление, что это прямо-таки социологический и психологический закон. Власть одних нуждается в глупости других. Процесс заключается не во внезапной деградации или отмирании некоторых (скажем, интеллектуальных) человеческих задатков, а в том, что личность, подавленная зрелищем всесокрушающей власти, лишается внутренней самостоятельности и (более или менее бессознательно) отрекается от поиска собственной позиции в создающейся ситуации. Глупец часто бывает упрямым, но это не должно вводить в заблуждение, будто он действует самостоятельно. Общаясь с таким человеком, просто-таки чувствуешь, что говоришь не с ним самим, не с его личностью, а с овладевшими им лозунгами и призывами. Он находится под заклятьем, он ослеплен, он поруган и осквернен в своей собственной сущности. Став теперь безвольным орудием, глупец способен на любое зло и вместе с тем не в силах распознать его как зло. Здесь коренится опасность дьявольского употребления человека во зло, что может навсегда погубить его.

Но именно тут становится совершенно ясно, что преодолеть глупость можно не актом поучения, а только актом освобождения. При этом, однако, следует признать, что подлинное внутреннее освобождение в подавляющем большинстве случаев становится возможным только тогда, когда этому предшествует освобождение внешнее; пока этого не произошло, мы должны оставить все попытки воздействовать на глупца убеждением. В этой ситуации вполне очевидна тщетность всех наших усилий постичь, о чем же думает «народ» и почему этот вопрос совершенно излишен по отношению к людям, мыслящим и действующим в сознании собственной ответственности. «Начало мудрости – страх Господень» (Пс. 110, 10). Писание говорит о том, что внутреннее освобождение человека для ответственной жизни перед Богом и есть единственно реальное преодоление глупости.

Кстати, в этих мыслях о глупости все-таки содержится некоторое утешение: они совершенно не позволяют считать большинство людей глупцами при любых обстоятельствах. В действительности все зависит от того, на что делают ставку правители – на людскую глупость или на внутреннюю самостоятельность и разум людей.

Презрение к человеку?

Велика опасность впасть в презрение к людям. Мы хорошо знаем, что у нас нет никакого права на это и что тем самым наши отношения с людьми становятся абсолютно бесплодными. Вот несколько соображений, которые помогут нам избежать этого искушения. Презирая людей, мы предаемся как раз основному пороку наших противников. Кто презирает человека, никогда не сможет что-нибудь из него сделать. Ничто из того, что мы презираем в других, нам не чуждо. Как часто мы ждем от других больше, чем сами готовы сделать. Где был наш здравый смысл, когда мы размышляли о слабостях человека и его падкости на соблазны? Мы должны научиться оценивать человека не по тому, что он сделал или упустил, а по тому, что он выстрадал. Единственно плодотворным отношением к людям (и прежде всего к слабым) будет любовь, то есть желание сохранять общность с ними. Сам Бог не презирал людей. Он стал человеком ради них.

Имманентная справедливость

К самым поразительным и неопровержимым открытиям я отношу опыт, что зло оказывается на поверку (и очень часто за удивительно короткий срок) глупым и бессмысленным. Этим я не хочу сказать, что за каждым преступлением по пятам следует наказание. Я имею в виду, что принципиальный отказ от божественных установлений (якобы в интересах самосохранения человека на земле) идет вразрез с подлинными интересами этого самосохранения. Этот опыт можно истолковывать по-разному. Но, во всяком случае, одно не вызывает сомнения: в совместной жизни людей существуют законы, которые сильнее всего того, что пытаются встать над ними, а потому игнорировать эти законы не только неверно, но и неразумно. Отсюда становится понятным, почему аристотелианско-томистская этика возводит благоразумие в одну из кардинальных добродетелей. Вообще, благоразумие и глупость нельзя считать этически нейтральными, как это хотела бы нам внушить неопротестантская этика убеждения (*Gesinnungsethik*). В полноте конкретной ситуации среди содержащихся в ней возможностей умный человек сразу распознает непроходимые границы, устанавливаемые любой деятельностью вечными законами человеческого общежития; распознав их, разумный человек действует в интересах добра, добрый – в интересах разума.

Естественно, что нет ни одного сколько-нибудь важного в историческом плане деяния, которое не преступило бы в свое время границ этих законов. Коренное различие состоит в том, что это нарушение установленных границ рассматривается либо как принципиальная их отмена и тем самым подается как своего рода право, либо остается в сознании как неизбежная вина, загладить которую можно лишь скорейшим восстановлением и соблюдением закона и его границ. Не всегда следует говорить о лицемерии, когда за цель политических действий выдается установление правопорядка, а не голое самосохранение. Уж так устроен мир, что принципиальное уважение последних законов и прав жизни благоприятствует и самосохранению и что эти законы допускают лишь краткое, неповторяющееся, необходимое в конкретном случае нарушение, рано или поздно карая со всепокрушающей силой того, кто необходимость возводит в принцип и таким образом утверждает собственный закон. Имманентная справедливость истории награждает и казнит только деяние, сердца же испытывает и судит вечная божественная справедливость.

О действии Бога в истории. Несколько пунктов моего кредо

Я верю, что Бог из всего, даже из самого дурного, может и хочет сотворить добро. Для этого Ему нужны люди, которые используют все вещи в благих целях. Я верю, что Бог в любой беде стремится дать нам столько силы сопротивления, сколько нам нужно. Но Он не дает ее заранее, чтобы мы полагались не на себя, а лишь на Него. Такая вера должна была бы освободить от всякого страха перед будущим. Я верю, что даже наши ошибки и заблуждения не напрасны и что Богу не сложнее с ними справиться, чем с нашими так называемыми благими делами. Я верю, что Бог – не вневременной фатум, Он ожидает искренней молитвы и ответственных дел и не остается безучастным.

Доверие

Едва ли не каждый человек испытал предательство на своем опыте. Фигура Иуды, столь непостижимая прежде, уже больше не чужда нам. Да весь воздух, которым мы дышим, отравлен недоверием, от которого мы только что не гибнем. И если прорвать пелену недоверия, то мы получим возможность приобрести опыт доверия, о котором раньше и не подозревали. Мы приучены, что тому, кому мы доверяем, можно смело верить свою голову; несмотря на всю неоднозначность, характерную для нашей жизни и наших дел, мы выучились безгранично доверять. Теперь мы знаем, что только с таким доверием, которое всегда – риск, но риск, с радостью принимаемый, действительно можно жить и работать. Мы знаем, что сеять или поощрять недоверие – в высшей степени предосудительно и что, напротив, доверие где только возможно следует поддерживать и укреплять. Доверие всегда останется для нас одним из величайших, редкостных и окрыляющих даров, которые несет с собой жизнь среди людей, но рождается оно всегда лишь на темном фоне необходимого недоверия. Мы научились ни в чем не отдавать себя на произвол подлости, но в руки, достойные доверия, мы предаем себя без остатка.

Чувство качества

Если у нас не достанет мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. Нахальство, суть которого в игнорировании всех дистанций, существующих между людьми, так же характеризует чернь, как и внутренняя неуверенность; заигрывание с хамом, подлаживание под быдло ведет к собственному оподлению. Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, там хаос у порога. Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и туда, где мы поставлены, потоками вливается хаос, причем вина за это ложится на нас. В иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня оно со всей страстью должно выступать за уважение к дистанции между людьми и за внимание к качеству. Подозрения в своекорыстии, основанные на кривотолках, дешевые обвинения в антиобщественных взглядах – ко всему этому надо быть готовым. Это неизбежные придирки черни к порядку. Кто позволяет себе расслабиться, смутить себя, тот не понимает, о чем идет речь, и, вероятно, даже в чем-то заслужил эти попреки. Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до сих пор существующих слоев общества. Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному сознанию того, кто кому и чем обязан, благодаря очевидному требованию подобающего уважения к тому, кто

этого заслуживает, а также благодаря столь же понятному уважению как вышестоящих, так и нижестоящих. Главное – это расчистить и высвободить погребенный в глубине души опыт качества, главное – восстановить порядок на основе качества. Качество – заклятый враг омасовления. В социальном отношении это означает отказ от погони за положением в обществе, разрыв со всякого рода культом звезд, непредвзятый взгляд как вверх, так и вниз (особенно при выборе узкого круга друзей), радость от частной, сокровенной жизни, но и мужественное приятие жизни общественной. С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио к книге, от спешки – к досугу и тишине, от рассеяния – к концентрации, от сенсации – к размышлению, от идеала виртуозности – к искусству, от снобизма – к скромности, от недостатка чувства меры – к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные – друг друга дополняют.

Со-страдание

Нужно учитывать, что большинство людей извлекают уроки лишь из опыта, изведенного на собственной шкуре. Этим объясняется, *во-первых*, поразительная неспособность к предупредительным действиям любого рода: надеются избежать опасности до тех пор, пока не становится поздно; *во-вторых*, глухота к страданию других. Со-страдание же возникает и растет пропорционально растущему страху от угрожающей близости несчастья. Много можно сказать в оправдание такой позиции: с этической точки зрения – не хочется искушать судьбу; внутреннюю убежденность и силу к действию человек черпает лишь в серьезном случае, ставшем реальностью; человек не несет ответственности за всю несправедливость и все страдания в мире и не хочет вставать в позу мирового судьи; с психологической точки зрения – недостаток фантазии, чувствительности, внутренней отмотилизованности компенсируется непоколебимым спокойствием, неутомимым усердием и развитой способностью страдать. С христианской точки зрения, однако, все эти доводы не должны вводить в заблуждение, ибо главное здесь – недостаток душевной широты. Христос избегал страданий, пока не пробил Его час; а тогда – добровольно принял их, овладел ими и преодолел. Христос, как говорится в Писании, познал Своей плотью все людские страдания как Свое собственное страдание (непостижимо высокая мысль!), Он взял их на Себя добровольно, свободно. Нам, конечно, далеко до Христа, мы не призваны спасти мир собственными делами и страданиями, нам не следует взваливать на себя бремя невозможного и мучиться, сознавая неспособность его вынести, мы не Господь, а орудия в руке Господа истории и лишь в весьма ограниченной мере способны действительно со-страдать страданиям других людей. Нам далеко до Христа, но если мы хотим быть христианами, то мы должны приобрести частицу сердечной широты Христа – ответственным поступком, в нужный момент добровольно подвергая себя опасности, и подлинным со-страданием, источник которого не страх, а освобождающая и спасительная Христова любовь ко всем страждущим. Пассивное ожидание и тупая созерцательность – не христианская позиция. К делу и со-страданию призывают христианина не столько собственный горький опыт, сколько мытарства братьев, за которых страдал Христос.

О страдании

Неизмеримо легче страдать, повинаясь человеческому приказу, чем совершая поступок, сделав свободный выбор, взяв на себя ответственность. Несравненно легче страдать в коллективе, чем в одиночестве. Бесконечно легче почетное страдание у всех на виду, чем муки в безвестности и с позором. Неизмеримо легче страдать телесно, чем духовно. Христос страдал, сделав свободный выбор, в одиночестве, в безвестности и с позором, телесно и духовно, и с той поры миллионы христиан страдают вместе с Ним.

Настоящее и будущее

Нам до сих пор казалось, что возможность планировать свою жизнь как в профессиональном, так и в личном аспекте относится к неотъемлемым человеческим правам. С этим покончено. Силою обстоятельств мы ввержены в ситуацию, в которой вынуждены отказаться от заботы о «завтрашнем дне» (Мф. 6, 34), причем существенно, делается ли это со свободной позиции веры, что подразумевает Нагорная проповедь, или же как вынужденное рабское служение текущему моменту. Для большинства людей вынужденный отказ от планирования будущего означает безответственную, легкомысленную или разочарованно-безучастную капитуляцию перед текущим моментом; немногие все еще страстно мечтают о лучших временах в будущем, пытаясь отвлечь себя этим от мыслей о настоящем. Обе позиции для нас равно неприемлемы. Для нас лишь остается очень узкий и порой едва различимый путь – принимать любой день так, как будто он последний, и все же не отказываться при этом от веры и ответственности, как будто у нас впереди еще большое будущее. «Дома и поля и виноградник будут снова покупаемы в земле сей» (Иер. 32, 15) – так, кажется, пророчествовал Иеремия (в парадоксальном противоречии со своими иеремиадами) накануне разрушения священного града; перед лицом полного отсутствия всякого будущего это было божественное знамение и залог нового, великого будущего. Мыслить и действовать, не теряя из виду грядущее поколение, сохраняя при этом готовность без страха и забот оставить сей мир в любой день, – вот позиция, практически навязанная нам, и храбро стоять на ней нелегко, но необходимо.

Оптимизм

Разумнее всего быть пессимистом: разочарования забываются, и можно без стыда смотреть людям в глаза. Оптимизм поэтому не в чести у разумных людей. Оптимизм по своей сути не взгляд поверх текущей минуты, это жизненная сила, сила надежды, не иссякающая там, где отчаялись другие, сила не вешать голову, когда все старания кажутся тщетными, сила сносить удары судьбы, сила не отдавать будущего на произвол противнику, а располагать им самому. Конечно, можно встретить и глупый, трусливый оптимизм, который недопустим. Но никто не должен смотреть свысока на оптимизм – волю к будущему, даже если он сто раз ошибется; оптимизм – жизненное здоровье, надо беречь его от заразных болезней. Есть люди, которые не принимают его всерьез, есть христиане, не считающие вполне благочестивым надеяться на лучшее земное будущее и готовиться к нему. Они верят, что в хаосе, беспорядке, катастрофах и заключен смысл современных событий, и потому сторонятся (кто разочарованно и безучастно, кто в благочестивом бегстве от мира) ответственности за дальнейшую жизнь, за новое строительство, за грядущие поколения. Вполне возможно, что завтра разразится Страшный суд, но только тогда мы охотно отложим наши дела до лучших времен, не раньше.

Опасность и смерть

Мысль о смерти за последние годы становится все более привычной. Мы сами удивляемся тому спокойствию, с каким мы воспринимаем известия о смерти наших сверстников. Мы уже не можем ненавидеть смерть, мы увидели в ее чертах что-то вроде благости и почти примирились с ней. В принципе мы чувствуем, что уже принадлежим ей и что каждый новый день – это чудо. Но было бы, пожалуй, неправильным сказать, что мы умираем охотно (хотя всякий знаком с известной усталостью, которой, однако, ни при каких обстоятельствах нельзя поддаваться), – для этого мы, видимо, слишком любопытны или, если выразиться с большей серьез-

ностью: нам хотелось бы все-таки узнать что-нибудь еще о смысле нашей хаотичной жизни. Мы вовсе не рисуем смерть в героических тонах, для этого слишком значительна и дорога нам жизнь. И подавно отказываемся мы усматривать смысл жизни в опасности, для этого мы еще недостаточно отчаялись и слишком хорошо знакомы со страхом за жизнь и со всеми остальными разрушительными воздействиями постоянной угрозы. Мы все еще любим жизнь, но я думаю, что смерть уже не сможет застать нас совсем врасплох. Опыт, полученный за годы войны, едва ли позволит нам сознаться себе в заветном желании, чтобы смерть настигла нас не случайно, не внезапно, в стороне от главного, но посреди жизненной полноты, в момент полной отдачи наших сил. Не внешние обстоятельства, а мы сами сделаем из смерти то, чем она может быть, – смерть по добровольному согласию.

Нужны ли мы еще?

Мы были немymi свидетелями злых дел, мы прошли огонь и воду, изучили эзопов язык и освоили искусство притворяться, наш собственный опыт сделал нас недоверчивыми к людям, и мы много раз лишали их правды и свободного слова, мы сломлены невыносимыми конфликтами, а может быть, просто стали циниками – нужны ли мы еще? Не гении, не циники, не человеконенавистники, не рафинированные комбинаторы понадобятся нам, а простые, безыскусные, прямые люди. Достанет ли нам внутренних сил для противодействия тому, что нам навязывают, останемся ли мы беспощадно откровенными в отношении самих себя – вот от чего зависит, найдем ли мы снова путь к простоте и прямодушию.

ПИСЬМА К РОДИТЕЛЯМ

14.4.1943

Дорогие родители!

Прежде всего вы должны знать и действительно поверить в то, что у меня все в порядке. К сожалению, я смог вам написать только сегодня, но так на самом деле было все десять дней. Некоторые лишения, обычно кажущиеся при аресте особенно неприятными, в действительности не играют на удивление почти никакой роли. Утром можно наесться и черствым хлебом (кстати, есть еще масса хороших вещей!), к койке я уже привык, а с 8 вечера до 6 утра можно прекрасно выспаться. Я был особенно удивлен тем, что меня с самого начала практически не тянуло курить; думаю, что во всем этом решающую роль играет психика: резкая внутренняя перестройка – следствие столь неожиданного ареста, необходимость смириться и приспособиться к совершенно новой ситуации – из-за всего этого телесные потребности отступают на второй план, и их перестаешь замечать; я отношусь к этому как к подлинному обогащению моего жизненного опыта. К одиночеству мне не привыкать, как другим людям, для меня это в самом деле хорошая душевная парилка. Меня мучает только мысль, что вы терзаете себя страхом за меня, что вы неважно питаетесь и плохо спите. Простите, что я доставляю вам столько забот, но думаю, что всему виной не столько я, сколько ужасная судьба. Против всего этого мне очень помогает чтение стихов Пауля Герхардта, которые я сейчас учу наизусть. Кроме того, со мной моя Библия, книги из местной библиотеки; писчей бумаги сейчас также хватает...

Две недели назад было 75-летие. Это был чудесный день. У меня в голове еще звучит утренний и вечерний хорал с многоголосием хора и оркестра: «Хвалите Господа, могучего Царя... В какой беде не укрывал тебя милостивый Бог в тени крыл Своих». Да, это так, и на это мы можем в дальнейшем уверенно положиться.

Вот и пришла весна. Теперь у вас много работы в саду. Здесь, в тюремном дворе, по утрам, а сейчас и вечерами так чудно распевает певчий дрозд. Ощущаешь благодарность за самые незначительные вещи, и это тоже приобретение. Прощайте!

Пасха, 25.4.1943

Сегодня, наконец, 10-й день, когда я имею право вам написать. Как бы хотелось, чтобы вы узнали, что и здесь я праздную радостный день Пасхи. В Страстной пятнице и Пасхальном воскресенье есть что-то освобождающее, уносящее мысли далеко за пределы личной судьбы к последнему смыслу всей жизни, страданий и вообще всего происходящего, и снова рождается надежда. Со вчерашнего дня в здании удивительно тихо. Слышны были возгласы: «Радостной Пасхи!» – и без всякой зависти желаешь исполнения этого всем, кто несет здесь тяжелую службу.

Но сначала я должен поблагодарить вас за все, что вы мне прислали... Вы не можете себе представить, что это значит, когда вдруг говорят: только что здесь были ваша мать и брат с сестрой, они кое-что для вас передали. Даже сам факт близости, вещественное свидетельство того, что вы все время обо мне думаете и заботитесь (о чем я, кстати, и без того знаю), – все это дарит столько счастья, что целый день не чуешь под собой ног. Огромное спасибо за все!

У меня по-прежнему все хорошо, я здоров, имею возможность каждый день проводить полчаса на воздухе, а после того, как я снова смог курить, иногда даже забываю на короткое время, где я, собственно, нахожусь! Отношение ко мне хорошее, я много читаю, кроме газет и

романов, в основном Библию. Для серьезной работы мне еще не хватает сосредоточенности, но на Страстной неделе я все-таки смог наконец основательно заняться тем местом из Страстей – первосвященнической молитвой, – которое, как вы знаете, уже давно меня интересовало, а также разобрать для себя в посланиях Павла несколько глав, посвященных этическим проблемам, что так важно для меня. В общем, мне еще повезло.

Удивительно, но дни летят здесь быстро. Не верится, что я тут уже несколько недель. Я с удовольствием ложусь в 8 часов спать (ужин здесь в 4 часа) и радуюсь предстоящим снам. Раньше я даже не подозревал, какой это счастливый дар. Я вижу сны каждую ночь, и все время хорошие. Перед сном читаю стихи, выученные за день, а в 6 часов утра наслаждаюсь чтением псалмов и гимнов, думая о вас всех и зная, что вы тоже обо мне думаете.

Вот и день прошел, на душе у меня покойно, и хочется надеяться, что и у вас тоже; я прочитал множество замечательных вещей, в голове рождались прекрасные мысли и надежды.

5.5.43

Сейчас, после 4 недель заключения, к быстрому, сознательному, внутреннему примирению с ниспосланным испытанием постепенно примешивается бессознательное и естественное привыкание. Оно приносит облегчение, но и свои проблемы, ибо привыкать к подобному состоянию нет ни желания, ни права; с вами было бы то же самое. Вам хочется больше знать о моей здешней жизни: для того чтобы вообразить себе тюремную камеру, много фантазии не требуется – чем меньше клетушку представите, тем вернее; на Пасху в DAZ была напечатана репродукция дюреровского «Апокалипсиса», я повесил ее на стену; а еще у меня стоят примулы от М.!

Из четырнадцати дневных часов около трех я провожу в хождении по камере – много километров; кроме того, полчаса прогулки во дворе. Читаю, учусь, работаю. Особенное удовольствие получаю, перечитывая Иеремию Готхельфа, от его прозрачного, здорового, спокойного стиля.

До свадьбы у Ш. уже рукой подать. До этого дня я не смогу ничего написать. Сегодня я вычитал у Жан Поля, что «единственные огнестойкие радости – это семейные»... От всего сердца желаю им много радостей в этот день, а я в мыслях и добрых пожеланиях с удовольствием побуду с ними; я бы хотел, чтобы и они *только* с радостью, добрыми воспоминаниями и надеждами думали обо мне.

Когда человека постигает беда, именно тогда ему хочется, чтобы подлинные радости жизни (а к ним-то и относится свадьба) где-нибудь рядом все-таки взяли свое...

Я часто вспоминаю теперь замечательную песню Гуго Вольфа, которую в последнее время мы много раз пели: «Ночь прошла, ночь прошла, явились радость и беда, не успеешь оглянуться, как покинут тебя обе и отправятся к Господу рассказать, как ты их принял». В этом «как» заключено все, оно важнее всех внешних событий. Оно полностью гасит мучительные порой мысли о будущем.

Еще раз великое спасибо вам за все, за то, что думаете обо мне, за все, что вы для меня делаете, из-за меня переносите. Передайте привет братьям и сестрам, друзьям. Пусть Р. веселится на своей свадьбе, не омрачая ее мыслями обо мне. Скажите ей, что она может быть спокойна и что я даже здесь смогу по-настоящему разделить ее радость.

15.5.43

Когда вы получите это письмо, пройдут последние дни подготовки, да и само торжество уже отзвучит, а с ним и чуточка моего желания на нем присутствовать... Сегодня я с благодарностью вспоминаю о прошедших прекрасных годах и часах и радуюсь со всеми вами. Теперь

мне ужасно хочется прочесть текст на бракосочетание, самый замечательный из тех, что я знаю, это из Послания к Римлянам (15, 7), я часто его использовал. Какое у вас великолепное лето. Вы можете по утрам распевать «Златое солнце» Пауля Герхардта.

После долгого перерыва получил от вас письмо... Большое спасибо! Тот, для кого родительский дом сделался частицей собственной души (как для меня), с особенной благодарностью воспринимает всякую весточку с приветом. Ах, если бы хоть на минутку можно было повидаться или поговорить! Это была бы огромная внутренняя разрядка.

Снаружи, конечно, трудно составить верное представление о тюремной жизни. Сама ситуация, то есть каждый момент, здесь не так уж сильно отличается от моей жизни где-либо еще: я читаю, размышляю, пишу, расхаживаю туда-сюда (и совсем не как белый медведь, стирающий до крови бока о стены клетки); главное – держаться за то, что у тебя есть, за то, что ты можешь, – а этого все еще предостаточно; главное – сдерживать в себе возникающие мысли о том, чего ты не можешь, то есть не давать воли беспокойству и злости на свое положение. Между прочим, мне только здесь стало ясно, что Библия и Лютер подразумевают под словом «искушение». Вдруг без всякой видимой физической и психологической причины лишаешься внутреннего мира и спокойствия, которые тебя поддерживали, а сердце становится (как об этом написано у пророка Иеремии) упрямым и робким, так что его и не поймешь. И вправду воспринимаешь это как вторжение извне, как вмешательство злых сил, стремящихся лишить тебя главного. Но и этот опыт, пожалуй, полезен и необходим, учишься лучше понимать человеческую жизнь. Я вожусь сейчас с маленьким этюдом о «чувстве времени», о переживании, весьма характерном для заключенного под следствием. Кто-то из моих предшественников нацарапал над дверью камеры: «через сто лет все кончится»; так он старался избавиться от ощущения незаполненного времени, но об этом можно наговорить много всякой всячины, очень хотелось бы побеседовать на эту тему с папой... «В Твоей руке дни мои» (Пс. 30, 16) – вот ответ Писания на вопрос, угрожающий здесь вытеснить все остальное: «Доколе, Господи?» (Пс. 12).

Вы непременно должны прочитать «Дух Берна» И. Готхельфа, если и не целиком, то хоть начало. Это что-то необыкновенное и наверняка вас заинтересует! Помнится, старина Шёне всегда нахваливал Готхельфа. Я с удовольствием предложил бы издательству Дидерикса издать хрестоматию Готхельфа. У Штифтера фон также преимущественно христианский (честно говоря, после его описаний леса меня иногда сильно тянет на тихие поляны Фридрихсбруннского леса), однако у него нет силы Готхельфа, и тем не менее в его произведениях столько чудесной простоты и ясности, что чтение доставляет мне массу удовольствия. Ах, если бы можно было снова поговорить с вами обо всем этом! При всей симпатии к *vita contemplativa*, я, однако, не могу назвать себя прирожденным траппистом. И все-таки немного вынужденного молчания тоже благо, да и католики говорят, что проникновеннее всего Библию толковали в чисто медитативных монашеских орденах. Кстати, я читаю Библию просто с самого начала и сейчас добрался до Иова, которого особенно люблю. Псалтирь вот уже много лет подряд я читаю каждый день; пожалуй, нет такой книги, которую бы я так знал и любил; псалмы 3, 46 и 69, да и остальные, я просто не могу читать, не слыша их музыкальной транскрипции Генриха Шютца, знанием которого я обязан Р., это одно из величайших приобретений в моей жизни.

...Я как никогда чувствую себя частицей всех вас и знаю, что все наши переживания – общие, что мы все переносим, делаем друг для друга и думаем сообща, даже если вынуждены жить врозь.

Проповедь по случаю бракосочетания, произнесенная в тюремной камере (май 1943)

...Дабы послужить к похвале славы Его... (Еф. 1, 12)

Неотъемлемое право новобрачных встретить день их свадьбы с чувством ни с чем не сравнимого триумфа. Если все трудности, препятствия, сомнения и колебания честно выстраданы и преодолены, а не просто отброшены в сторону (это только хорошо, если не все идет гладко), тогда действительно новобрачные добились решающего успеха в своей жизни. Соглашением, данным друг другу в свободном решении, они вывели свою жизнь на новый поворот. Радостно и уверенно пошли они навстречу всем сомнениям и проблемам, которые жизнь выдвигает перед любым продолжительным союзом двух людей, и на свой страх и риск завоевали новую землю для своей жизни. Пусть в каждой свадьбе звучит ликующая нота от того, что люди могут творить такие великие дела, что им дарована безграничная свобода и власть брать в свои руки кормило собственной жизни. И справедливая гордость земных чад за право быть кузнецами своей судьбы должна сливаться со счастьем молодых. Не нужно спешить и заводить смиренный разговор о Божией воле и Провидении. Прежде всего это ваша чисто человеческая воля торжествует здесь свою победу; путь, на который вы вступаете, выбран вами абсолютно самостоятельно, и дело, которое вы сделали и делаете, – дело насквозь мирское, а не исключительно благочестивый акт. А потому несите сами всю ответственность за него, ведь ни один человек кроме вас не может взять ее на себя; а если выразиться точнее, то на вас, молодая пара, возложена вся ответственность за успех вашего предприятия при всем том счастье, которое сокрыто в этой ответственности. Не надо фальшивой набожности, скажите сегодня смело: это *наша* воля, это *наша* любовь, это *наш* путь. «Сталь и железо истлеют, конечно, *наша* любовь же пребудет навечно».

Потребность в земном счастье, которое вы стремитесь обрести друг в друге и которое состоит в том, чтобы – как поется в средневековой песне – душой и телом друг другу быть утехой, – эта потребность оправдана пред людьми и пред Богом.

Кому как не вам можно с чувством особой благодарности обратить свой взгляд на прошлую жизнь. Вы были буквально осыпаны всеми радостями и приятностями жизни, все вам удавалось, вы грелись в лучах любви и дружбы окружающих вас людей, препятствия на вашем пути во многом устранялись прежде, чем вы к ним приближались, в любой жизненной ситуации вы чувствовали себя под надежной защитой близких и друзей, каждый нес вам лишь доброе, ну а в конце концов вам было даровано найти друг друга, и сегодня вы у цели ваших желаний.

Вы знаете сами, что ни один человек не в состоянии собственными силами создать и обеспечить такую жизнь, и что, мало того, одному дается, у другого отнимается – это мы называем Божественным Промыслом. Сколь велико сегодня ваше торжество, что ваша воля, ваш путь близки к цели, столь же велика пусть будет ваша благодарность за то, что Божия воля и Божий путь привели вас сюда; с какой уверенностью вы сегодня принимаете на себя ответственность за ваше дело, с той же уверенностью вы можете вложить эту ответственность в Божии руки.

Бог, прилагающий сегодня Свое согласие к вашему согласию, допускающий вашу волю, дарующий вам ваше торжество, восторг и гордость, делает вас в то же время орудием Своей воли и Своих планов в отношении вас и других людей. Бог на самом деле в Своем непостижимом благоволении дает Свое согласие на ваше согласие, но, делая это, Он вместе с тем творит из вашей любви нечто совершенно новое. Он творит святой супружеский союз.

Бог ведет ваш брак. Брак – это нечто большее, чем ваша любовь друг к другу. Его достоинство и власть – выше, ибо его священное учреждение – дело рук Бога, и в браке желает Он сохранять людей до конца дней. В любви вашей вы видите себя одними на целом свете, в браке же вы – звено в цепи поколений, которые приходят и уходят по воле Божией к Его славе и которых Он призывает в Свое Царство. В любви вашей вы видите лишь небеса вашего собственного счастья, благодаря браку вы с ответственностью входите в мир и разделяете ответственность людей. Ваша любовь принадлежит вам и только вам, брак же – нечто надличное,

брак – это звание, служение. Короля делает королем венец, а не просто охота поцарствовать, так и вы стали супружеской парой перед Богом и людьми не благодаря только вашей взаимной любви, а благодаря браку. Вы сперва обмениваетесь кольцами сами, а потом снова принимаете их из рук пастора, так и любовь исходит от вас, брак же – свыше, от Бога. Насколько Бог выше человека, настолько же святость, права и обетование брака выше святости, прав и обетования любви. Не ваша любовь несет брак, но брак отныне несет вашу любовь.

Бог делает ваш брак нерасторжимым. «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6). Бог сочетает вас в браке, это совершает Бог, не вы. Не путайте вашу любовь друг к другу с Богом. Бог делает ваш брак нерасторжимым, Он защищает его от любой опасности, грозящей изнутри или снаружи. Бог желает быть гарантом нерасторжимости брака. Счастлив тот, кто уверен, что ни одна власть в мире, ни одно искушение, ни одна человеческая слабость не могут разъединить то, что Бог сочетал. Да, кто это знает, может спокойно сказать: что Бог сочетал, то человек не может разлучить. Свободные от всяческих опасений, непременно сопутствующих любви, в полной уверенности, с полной определенностью вы можете теперь сказать друг другу: отныне мы никогда не утратим друг друга, по Божией воле мы принадлежим друг другу до самой смерти.

Бог устанавливает порядок для жизни в браке. «Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы» (Кол. 3, 18–19). Вступая в брак, вы закладываете дом. Для этого необходим порядок, и этот порядок настолько важен, что Сам Бог устанавливает его, ибо без него все пришло бы в расстройство. При учреждении вашего дома вы свободны во всем, за исключением одного: жена должна слушаться мужа, муж должен любить свою жену. Тем самым Бог воздает честь, подобающую мужу и жене. Честь жены – служить мужу, быть ему помощницей, как сказано в повествовании о сотворении мира (Быт. 2, 20), честь же мужа – любить свою супругу от всего сердца. Он «оставит отца и мать и прилепится к жене своей» (Мф. 19, 5) и будет «любить ее как свою плоть». Жена, стремящаяся господствовать над своим мужем, вершит бесчестье себе самой и своему мужу, так же как муж покрывает себя и свою жену бесчестьем, отказывая ей в любви; оба они попирают Божию честь, которая должна венчать брак. Если жена, влекомая тщеславием, стремится стать как ее муж, а муж смотрит на жену лишь как на игрушку своего господства и произвола, то это показатель нездоровых времен и ненормальных отношений. Если женское служение рассматривается как пренебрежение женой и даже как унижение ее достоинства, а исключительная любовь мужа к своей жене воспринимается как слабость или даже глупость, то это начало разложения и распада всех жизненных структур общества.

Дом мужа – вот место, на которое жена поставлена Богом. Многие сегодня уже забыли, что может означать дом, но нам, другим, именно в наше время это стало особенно ясно. Это суверенное царство посреди целого мира, это твердыня в бурях эпохи, прибежище, даже святость. Не на зыбкой почве изменчивых событий внешней и общественной жизни стоит он, его покой в Боге, дающем ему смысл и ценность, суть и право, назначение и достоинство. Это установление Бога в мире, место, где должны воцариться – что бы ни творилось на земле – мир, тишина, радость, любовь, чистота, порядок, благоговение, послушание, традиции, а во всем этом – счастье. Призвание и счастье жены – строить этот мир в мире мужа и действовать в нем. Счастье, если она поймет все величие и богатство ее удела и задачи. Не новое, но вечное, не изменчивое, но постоянное, не громкое, но тихое, не слова, но дела, не приказание, но привлечение, не домогание, но обладание – и все это согретое и окрыленное любовью к мужу – вот царство жены. В Книге Притчей Соломоновых говорится: «Уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибывка; она воздает ему добром, а не злом, во все дни жизни своей. Добывает шерсть и лен, и с охотой работает своими руками... Она встает еще ночью и раздаст пищу в доме своем и урочное служанкам своим. Длань свою она открывает бедному, и руку свою подает нуждающемуся... Встают дети и ублажают ее, – муж, и хвалит ее: “много

было жен добродетельных, но ты превзошла всех их» (Притч. 31, 11–13, 15, 20). Счастье, которое муж находит в настоящей или, как сказано в Библии, «добродетельной», «мудрой» жене, непрестанно прославляется Писанием как высшее земное счастье. «Цена ее выше жемчугов» (Притч. 31, 10). «Добродетельная жена – венец для мужа своего» (Притч. 12, 4). Но с той же откровенностью говорится в Библии о несчастье, постигающем мужа и весь дом от дурной, «неразумной» жены.

Если муж зовется главой жены, и даже с таким добавлением – «как и Христос глава Церкви» (Еф. 5, 23), то тем самым на ваши земные отношения падает божественный отблеск; мы должны увидеть его и воздать ему честь. Звание, в которое здесь возводится муж, связано не с его личными способностями и задатками, но с его служением, которое он принимает, вступая в брак. И жена должна видеть его облеченным этим званием. Для него же самого звание это означает высшую ответственность. Как глава дома он несет ответственность за жену, за брак и за дом. На него возложены забота о домашних и защита их, он представитель своего дома перед миром, он опора и утешение домашним, он домоправитель, который наставляет, наказывает, помогает и утешает и предстоит перед Богом за свой дом. Благо, если жена почитает мужа в его служении, а муж действительно справляется со своим служением – таков божественный порядок. «Мудрыми» будут те супруги, которые познают и соблюдают божественный уклад; «неразумен» тот, кто думает, что сможет поставить на его место другой порядок – плод собственной воли и неразумения.

Бог возложил на брак благословение и бремя. Благословение – в обетовании потомства. Бог допускает человека к участию в Своем неустанном созидании; но только Сам Бог благословляет брак детьми. Дети – дар Господа (см. Пс. 126, 3), и мы должны смотреть на них как на дар. От Бога принимают родители детей, и к Богу они должны их снова привести. Отсюда и божественный авторитет родителей по отношению к детям. Лютер говорит о «золотой цепи», возложенной Богом на родителей, а по Писанию в соблюдении пятой заповеди заключено особое обетование долголетия на земле. Поскольку и до тех пор, пока люди живут на земле, Бог дал им воспоминание о том, что над этой землей тяготеет проклятие греха и что земля – еще не конец всего. Над судьбой женщины и мужчины нависла грозная тень Божиего гнева, на них возложено божественное бремя, которое они должны нести. Жена должна в муках рожать детей, а муж – в заботе о своих домашних – пожинать тернии и волчцы и трудиться в поте лица своего. Бремя это должно подвигнуть супругов на призывание Бога, оно должно напоминать им об их вечном предназначении в Его Царствии. Земной союз – лишь начало вечного союза, земной дом – лишь образ Дома Небесного, земная семья – лишь отблеск отцовства Бога по отношению ко всем людям, Его чадам.

Бог посылает вам Христа, Который есть основа вашего брака. «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас в славу Божию» (Рим. 15, 7). Одним словом, живите вместе, прощая друг другу грехи, без чего не устоит ни один человеческий союз, а брак и подавно. Не будьте несговорчивыми, не судите и не осуждайте друг друга, не возносите, не перекладывайте свою вину на другого, но принимайте себя такими, какие вы есть, и каждый день прощайте друг друга от всего сердца.

С первого дня супружеской жизни и до последнего пусть вашим законом будет: «Принимайте друг друга... в славу Божию».

Вот вы и выслушали Божие слово о вашем браке. Поблагодарите Его за это, принесите Ему благодарность за то, что Он привел вас сюда, просите Его, чтобы Он основал, укрепил, освятил и сохранил ваше супружество, и тогда вы вашим браком принесете «нечто во славу Его великолепия». Аминь.

Вознесение, 4.6.43

...Большое спасибо вам за ваши письма, для меня они всегда слишком короткие, но я, конечно, все понимаю! У меня такое ощущение, словно двери тюрьмы растворились, и можно немного пожить вместе с вами на воле. Потребность в радости здесь, в этом доме скорби, где никогда не услышишь смеха (кажется, что даже у охранников в тюремной обстановке пропадает охота смеяться), очень велика, так что стараешься как можно полнее зачерпнуть ее из внутренних и внешних источников.

Сегодня Вознесение, день великой радости для тех, кто еще может верить, что Христос правит миром и нашей жизнью. Мысленно я с вами всеми, в церкви, на богослужениях, чего я так давно лишен, но также и со многими неизвестными людьми, молча переносящими свою судьбу в этом доме. Эти и другие мысли не дают мне замыкаться на собственных незначительных лишениях. Это было бы несправедливо и неблагодарно.

Я как раз снова написал кое-что из своих заметок о «чувстве времени», это доставляет мне большое удовольствие, а то, что пишешь на основе своих собственных непосредственных переживаний, идет гораздо легче, и мысли свои выражаешь свободно. «Антропологию» Канта, за которую я тебе, папа, очень благодарен, прочитал; она была мне неизвестна. Я нашел там много интересного, но все-таки это крайне рационалистическая психология в стиле рококо, проходящая мимо многих существенных явлений. Не мог бы ты прислать мне что-нибудь стоящее о формах и функциях памяти? В этой связи меня сейчас это очень интересует. Кант очень мило трактует «курение» как вид саморазвлечения.

Меня очень радует, что вы читаете сейчас Готхельфа; вам наверняка понравились бы... и его «Путешествия». Что касается научной стороны, то я с удовольствием прочитал здесь солидную «Историю христианских деяний любви» Ульхорна, а за «Историей церкви» Холля мне вспомнились его семинары.

Почти ежедневно я читаю что-нибудь из Штифтера. Безмятежная и укромная жизнь его героев (он ведь настолько старомоден, что изображает только симпатичных людей) в этой обстановке благотворно влияет на меня и направляет мысли на важные жизненные смыслы. Между прочим, здесь возвращаешься – внешне и внутренне – к самым простым жизненным вещам; вот Рильке, например, я здесь просто не смог читать. Но может быть, ум тоже чего-то лишается из-за утеснения, в котором живешь?..

Троица, 14.6.43

Вот и Троицу пришлось нам отпраздновать еще в разлуке, а ведь это в особом смысле праздник общности. Когда сегодня рано утром зазвонили колокола, мне так захотелось в церковь, что я поступил, как Иоанн на Патмосе, и отслужил для себя самого такую замечательную службу, что одиночество просто улетучилось, настолько сильно я ощущал ваше присутствие и присутствие всех общин, с которыми я уже праздновал Троицу. Со вчерашнего вечера я то и дело декламирую для себя «Песнь на Троицу» П. Герхардта, где есть такие чудные строки: «Ты дух радости» и «Даруй силу нам и радость...» Еще радуют меня слова из Писания: «Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя» (Притч. 24, 10) и «Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия» (2 Тим. 1, 7). Удивительная история чуда с языками также занимает меня. То, что вавилонскому смешению языков, в результате которого люди перестали понимать друг друга, ибо каждый заговорил на своем языке, наступит конец и что оно будет преодолено божественным языком, который будет понятен каждому и лишь посредством которого люди снова смогут прийти к взаимопониманию, и то, что церковь станет тем самым местом, где это произойдет, – все это великие и крайне важные мысли. Лейб-

ниц всю свою жизнь бился над идеей универсального языка, долженствующего изображать все понятия не словами, а общепонятными знаками. Это можно рассматривать как проявление его стремления исцелить тогдашний разорванный мир и как философский ответ на события Пятидесятницы.

В здании снова полная тишина, слышны только шаги заключенных, меряющих свои камеры, – сколько горьких и чуждых праздничному настроению мыслей носят они с собой. Будь я тюремным пастором, я бы в такие дни с раннего утра до вечера обходил камеры, это хоть кому-нибудь да помогло бы.

Вы, как и я, в ожидании, и должен сознаться, что в каком-то уголке подсознания я все-таки надеялся оказаться на Троицу снова на свободе, хотя сознанием запрещаю себе устанавливать какие бы то ни было сроки. Завтра исполнится всего лишь 10 недель, а ведь по нашему непрофессиональному разумению мы, наверное, и не могли представить себе такой срок для «предварительного» заключения. Но это, безусловно, ошибка. Вообще говоря, непростительно быть таким профаном в юридических вопросах, как я. Только здесь ощущаешь, насколько атмосфера, в которой живет юрист, отличается от среды, окружающей теолога; но из этого также можно извлечь урок, и, пожалуй, все оправданно на своем месте. А нам не остается ничего иного, как доверчиво – уповая на то, что каждый делает все, что в его силах, для быстрее выяснения сути – и с максимумом терпения ждать и не ожесточаться. У Фрица Ройтера есть прекрасные слова: «Жизнь человека – не прямой и гладкий поток, бывает – натолкнется на запруды, завертится на месте, бывает – люди начинают швырять камни, мутить прозрачные струи; да, случиться-то всякое может, но ведь нужно-то заботиться о том, чтобы вода оставалась прозрачной, а небо и земля могли бы в нее глядеться» – этим сказано все.

Работа о чувстве времени вчерне закончена, теперь пусть немного вылежится, посмотрим, как она это перенесет.

Сегодня первый понедельник после Троицы. Я только сел за обед, поесть свеклы с картошкой, как совершенно неожиданно мне передали вашу праздничную посылку, которую принесла Р. Словами не выразишь, как это меня обрадовало. При всей уверенности в духовной связи, существующей между вами и мной, в душе постоянно живет неистребимая потребность зримого свидетельства этой связи в любви и в мыслях, которая превращает самые что ни на есть материальные предметы в носители духовных реальностей. Думаю, что нечто подобное заключает в себе потребность в таинстве, присущая всем религиям.

24.6.43

Какое богатство иметь в эти тяжелые времена большую, спаянную, прочную семью, где каждый доверяет друг другу и оказывает поддержку. Раньше при... арестах пасторов я иногда думал, что одиноким людям из их числа переносить неволю легче всего. Тогда я еще не знал, что в ледяном воздухе заключения означает тепло, исходящее от жены и семьи, не знал, что именно во времена такой разлуки еще больше растет чувство тесной сплоченности...

Только что пришли письма, за которые я вам очень признателен. Прочитав рассказы о клубнике и малине, о вольных каникулах и планах на отдых, я вдруг почувствовал, что между тем взаправду настало лето. Здесь не ощущаешь смены времен года. Я рад, что температура <воздуха> умеренная. Некоторое время тому назад синица свила гнездо во дворе, в маленькой камерке, и вывела 10 птенцов. Я каждый день радовался, глядя на них. Но однажды какой-то грубый малый все разрушил, несколько мертвых птичек лежало на земле – уму непостижимо. Много радостей доставляют мне на прогулках во дворе муравьиная куча и пчелы на липах. Я иногда вспоминаю при этом историю Петера Бамма, попавшего на дивной красоты остров, где он встречает множество довольно приятных людей. Во сне он охвачен страхом, что на остров может упасть бомба и все разрушить, и первая мысль, которая приходит ему

в голову: жаль бабочек! Видимо, чувство нетронутой, тихой, свободной природной жизни и порождает в тюрьме совершенно особое (в чем-то, возможно, сентиментальное) отношение к животным и растениям. Вот только мухи в камере вызывают эмоции совсем не сентиментальные. Заключение, наверное, вообще склонен к раздуванию в себе эмоциональной стороны, чтобы тем самым компенсировать недостаток тепла и душевности, ощущаемый им в его среде, причем, вероятно, он слегка преувеличенно реагирует на свои душевные движения. Это прекрасно, наконец, снова призвать себя к порядку холодным душем отрезвления и юмора, без чего можно утратить чувство равновесия. Я думаю, что правильно понятое христианское учение может оказать здесь особенно действенную службу.

Милый папа, тебе ведь все это отлично известно из длительного опыта лечения заключенных. Я пока еще сам не познакомился с так называемыми тюремными психозами, ориентируюсь только приблизительно.

3.7.43

Когда субботним вечером начинают звонить колокола тюремной церкви, наступает самый подходящий момент для писания писем домой. Удивительно, какой властью над человеком обладают колокола, как могут они проникать в душу. С ними связано так много воспоминаний из прежней жизни. Любое недовольство, неблагодарность, эгоизм – все исчезает с их звоном. Вдруг ты оказываешься в толпе милых сердцу воспоминаний, как бы окруженный роем добрых духов. Первое, что приходит мне на ум, это тихие летние вечера во Фридрихсбрунне, потом – множество общин, где я работал, далее – вереница уютных домашних торжеств, обручений, крестин, конфирмаций (завтра, кстати, конфирмация моей крестницы!) – всего и не сочтешь, что оживает в памяти. Но это обязательно мирные, исполненные чувства благодарности, вселяющие уверенность воспоминания. Если бы только можно было еще больше помогать другим людям!

Прошла неделя, заполненная спокойной работой и прекрасными книгами, к тому же я получил письма от вас... а сегодня – чудесную посылку. Меня несколько беспокоит, что окна в вашем бомбоубежище придется заложить...

Минуло четверть года, как я в тюрьме. Помнится, в студенческие годы на лекциях Шлаттера по этике шла речь о долге гражданина-христианина вести себя спокойно в ходе следствия. Тогда для меня это были пустые слова. За прошедшие недели я много думал об этом. Давайте с тем же спокойствием и терпением, что и прежде, переждем еще столько времени, сколько на нас будет возложено. Во сне я чаще обычного вижу себя на свободе, среди вас...

Просто великолепны были огненные лилии, бутоны медленно раскрываются по утрам и цветут лишь один день, на следующее утро придет черед других, а послезавтра отцветут последние.

Воскресенье, 25.7.43

Так, значит, вчера, в эту жару вы сами были здесь и передали посылку! Надеюсь, что вы не очень утомились. Я так благодарен вам за это и за гостинцы. Дары лета здесь, конечно, особенно приятны. Оказывается, и помидоры уже созрели! В эти дни я впервые почувствовал жару, тут в камере она еще не мешает, ведь я мало двигаюсь. Но желание подышать свежим воздухом растет. Мне бы хотелось как-нибудь провести вечер в саду. Получасовая дневная прогулка, конечно, прекрасна, но все-таки слишком коротка. Вероятно, все простудные явления, ломота, насморк и т. д., пройдут, только когда я снова окажусь на воздухе. Огромную радость мне всегда доставляют цветы, вносящие в серую камеру жизнь и краски...

Со своим чтением я всецело в XIX веке. Готхельф, Штифтер, Иммерман, Фонтане, Келлер – я читал их за этот месяц просто с восхищением. Эпоха, в которую писали на таком простом, ясном немецком языке, должна в своей основе иметь весьма здоровое начало. Описывая самые нежные переживания, не впадают в сентиментальность, в энергичных партиях – не становятся фривольно развязными, высказывая убеждения, избегают патетики – никакого деланного упрощения или усложнения в языке и содержании; все это, одним словом, крайне симпатично для меня и, как мне кажется, полезно. Но это, разумеется, предполагает серьезную и кропотливую работу над выразительными средствами немецкого языка, а потому – непременно тишину и покой. Кстати, последние вещи Ройтера меня снова сильно захватили, и я с радостью и удивлением ощущаю в себе то же настроение, близость всего, вплоть до языковых средств: ведь очень часто автор своей манерой изложения может приковать к себе читателя или оттолкнуть...

Всякий раз тешу себя надеждой, что письмо, которое я вам пишу, будет последним письмом из тюрьмы. Ведь это, в конце концов, с каждым днем все вероятнее, а здесь мало-помалу становишься сыт по горло всей обстановкой. Я бы пожелал вам провести всем вместе пару хороших летних дней.

3.8.43

Я в самом деле очень рад и благодарен за то, что теперь смогу писать вам чаще, ведь я боялся, что вы беспокоитесь, во-первых, из-за жары в камере под крышей, а во-вторых, из-за просьбы об адвокате. Только что получил вашу восхитительную посылку с помидорами, яблоками, компотом, термосом и пр., а также с фантастической охлаждающей солью, о которой я даже и не подозревал. Сколько забот у вас опять из-за меня! Очень вас прошу, не волнуйтесь, я жил в еще большей жаре – в Италии, Африке, Испании, Мексике, а хуже всего, пожалуй, было в Нью-Йорке в июле 1939 года – и более или менее знаю, как лучше всего себя вести. Ем и пью я мало, спокойно сижу за письменным столом и нахожу, что моей работе практически ничего не мешает. Время от времени освежаю тело и душу вашими замечательными гостинцами. О переводе на другой этаж мне бы не хотелось просить, я считаю это непорядочным по отношению к тому арестанту, который в таком случае будет вынужден переехать в мою камеру и у которого, по-видимому, нет помидоров и пр.; кроме того, объективно разница не слишком велика, 34° в комнате или всего 30°. Но я узнал, что Ханс² переносит жару все еще плохо, и очень расстроился за него. Однако я сделал еще одно любопытное наблюдение – то, чего изменить нельзя, человек переносит совсем по-другому, чем если он постоянно занят мыслями о возможности какого-нибудь облегчения своей участи.

Что касается моей просьбы о защитнике, то я очень надеюсь, что вы с вашей стороны не слишком сильно обеспокоены и так же, как и я, спокойно ожидаете исхода событий. Пожалуйста, не думайте, что я в отчаянии или сильно волнуюсь. Конечно, для меня это было сильным разочарованием, как, вероятно, и для вас. Но в каком-то смысле это также и некоторое облегчение: знать, что окончательное рассмотрение дела, чего мы так долго ожидаем, уже не за горами. Я каждый день жду более точной информации...

Мне опять попало кое-что интересное. Читая «Юрга Енача», я с радостью и интересом освежил воспоминания юности. В отношении исторических деталей я нашел книгу о венецианцах весьма содержательной и занимательной. Не могли бы вы мне прислать кое-что из Фонтане: «Госпожа Женни Трайбель», «Пути-перепутья», «Штехлин»? Интенсивное чтение за последние месяцы пойдет на пользу и моей работе. Из этих книг узнаешь по вопросам этики

² Ханс фон Донаньи, находившийся в то время в тюрьме на Лертерштрассе.

больше, чем из учебников. «Без крова» Ройтера я люблю, как и ты, мама. Но я, наверное, кончил всего Ройтера, или у вас есть еще кое-что особенно интересное?

Недавно я прочитал в «Зеленом Генрихе» очень милое стихотворение: «Сквозь неумолчный моря шум, / Которое несет мне муки, / В многоголосом хоре волн / Я слышу ваших песен звуки».

7.8.43

...Основательно ли подготовились вы к воздушным налетам? После всего, что было в последнее время напечатано в газетах, приходится еще раз продумать все вплоть до мелочей. Мне, например, пришло в голову, что мы как-то говорили о ненадежных перекрытиях в подвале, – надо ведь что-то сделать с центральной балкой? Думаете ли вы еще об этом, и можно ли достать для этого рабочих? Я с трудом представляю сейчас все это. С какой радостью я помог бы вам. Дайте мне обо всем знать, меня ведь интересует каждая мелочь...

Кажется, я еще не рассказывал, что каждый день, когда читать и писать нет больше сил, я немножко занимаюсь шахматной теорией. Это доставляет мне большое удовольствие. Если вы встретите какую-нибудь небольшую и хорошую книжку по теории, может быть, с задачками, я был бы очень признателен, но не тратьте сил на это, я и так обойдусь...

17.8.43

...Главное, очень прошу вас, не беспокойтесь обо мне. Я переносу все хорошо и внутренне совершенно спокоен. Как хорошо, что из собственного опыта мы знаем, что воздушные тревоги на нас совершенно не действуют. Я очень рад, что суды... останутся в Берлине!.. А в остальном у вас, как и у меня, наверняка есть более важные дела, чем постоянно думать о возможных налетах. Отстраняться от событий и забот дня – этому в камере выучиваешься быстро.

Из-за постоянных ожиданий и неуверенности за последние две недели я фактически не мог продуктивно работать, но теперь хочу снова засесть за стол. За прошедшие недели я набросал пьесу, но при этом выяснилось, что сам материал не годится для драматической формы, попытаюсь теперь переделать его в повесть. Это жизнь одной семьи. Само собой разумеется, что привносишь много личного...

Близко к сердцу принял известие о смерти трех молодых пасторов. Буду признателен, если их родственникам как-нибудь дадут знать, что сейчас я не в состоянии им написать, а то они ничего не поймут. Среди моих учеников эти трое были мне ближе всех. Это огромная потеря как для меня, так и для церкви. Из моих учеников погибло уже, наверное, более тридцати, и это большей частью – лучшие...

24.8.43

Ну и беспокойной для вас была эта ночь! Я вздохнул с облегчением, когда капитан велел мне передать, что у вас все в порядке. Из полностью опущенного во время тревоги окна моей камеры, расположенной в верхнем этаже, четко виден ужасный фейерверк над южной частью города, и тут – при том, что не ощущаешь ни малейшего беспокойства за свою жизнь, – наваливается сознание всей бессмыслицы моего теперешнего положения, моего бездеятельного ожидания. Удивительно тронул меня сегодня рано утром лозунг пиетистской (братской) общины: «Пошлю мир на вашу землю, ляжете, и никто вас не обеспокоит» (Лев. 26, 6).

Как глупо: в воскресенье ночью у меня начался катар желудка, вчера был жар, но сегодня температура снова упала. Я встал, только чтобы написать письма, и из осторожности лягу тотчас в постель – болеть не хочу ни при каких обстоятельствах. Здесь для таких случаев нет особого питания, поэтому я очень рад, что у меня есть ваши хрустящие хлебцы и коробка кекса, который я уже давно храню на такой случай. Кроме того, санитар поделился со мной своей порцией белого хлеба. Так что я вполне обошелся. Наверное, нужно на всякий случай держать здесь про запас такие вещи, может быть, еще кулек манной крупы или овсянки, чтобы мне могли в лазарете сварить кашу. Когда вы получите письмо, все будет уже позади...

31 августа 1943

...В последние дни я снова мог хорошо поработать и много написал. Когда после нескольких часов полного погружения в материал я поднимаю голову и вижу себя опять в своей камере, мне нужно некоторое время, чтобы сориентироваться. Невероятность моего теперешнего местопребывания все еще не преодолена, несмотря на то что к внешней стороне жизни я уже привык. Я с интересом наблюдаю в себе постепенный процесс привыкания и приспособления. Когда 8 дней назад я получил для еды нож и вилку (это какое-то новое распоряжение), они показались мне совершенно излишними, настолько естественно стало для меня намазывать хлеб ложкой и т. д. С другой стороны, к тому, что человек воспринимает как нечто противоестественное, например к тюремному заключению, он, думается, не может привыкнуть или же привыкает с большим трудом. Тут всегда необходим некий сознательный акт, чтобы освоиться. Вероятно, на эту тему есть какие-нибудь работы психологов?

«Всемирная история» Дельбрюка читается прекрасно. Мне кажется только, что это скорее история Германии. С большим удовольствием дочитал «Охотников за микробами». Кроме того, я много читал Шторма, но в целом это не произвело на меня сильного впечатления. Надеюсь, что вы пришлете мне еще что-нибудь Фонтане или Штифтера...

5 сентября 1943

Мы можем, думаю, ничего друг другу не рассказывать о позавчерашней ночи. Вид из окна камеры на жуткое ночное небо я никогда не забуду. Я был очень рад уже утром узнать через капитана, что с вами ничего не случилось... Просто удивительно, как в такие ночные часы думаешь только о людях, без которых не смог бы жить, а то, что касается тебя самого, отступает на задний план или практически гаснет. Только тогда и понимаешь, как тесно переплетена твоя жизнь с жизнью других людей, что центр твоей жизни находится вне тебя самого и что человека с трудом можно назвать отдельной личностью. Выражение «как бы часть меня самого» очень верно, и я сам часто ощущал это, когда до меня доходила весть о смерти моих собратьев по сану и учеников. Я думаю, что это просто заложено в нашей природе; человеческая жизнь выходит далеко за рамки собственного телесного существования. Сильнее всего это воспринимает, видимо, мать. Вот, кстати, два места из Библии, где, как мне кажется, речь идет все о том же переживании. Одно из Иеремии: «Вот, что Я построил, разрушу, и что насадил, искореню, – всю эту землю. А ты просишь себе великого: не проси; ибо вот, Я наведу бедствие на всякую плоть, говорит Господь, а тебе вместо добычи оставлю душу твою во всех местах, куда ни пойдешь» (Иер. 45, 4–5). А другое из псалма 59: «Боже!.. Ты потряс землю, разбил ее: исцели повреждения ее, ибо она колеблется» (Пс. 59, 4).

Хотелось бы узнать, вырыли ли у вас щель и нельзя ли сделать проход из подвала к ней. Капитан М. распорядился сделать так для себя.

У меня по-прежнему все хорошо. Из-за налетов меня перевели двумя этажами ниже. Теперь мое окно выходит прямо на колокольни, и это очень приятно. На прошлой неделе у меня

была возможность хорошо поработать. Вот только не хватает движения на свежем воздухе, от чего сильно зависит работоспособность и продуктивность. Но осталось уж немного, и это главное...

13.9.43

В ответ на высказанное мной в последнем письме желание получать побольше писем я получил сегодня, к моей радости, целую грудку почты. Я кажусь себе чуть ли не Пальмштремом, заказывающим для себя «смешанную почту на целый квартал». А кроме шуток, день получения писем весьма ощутимо вырывается из монотонной вереницы остальных. К этому присоединилось еще и разрешение на свидания, так что у меня действительно дела шли хорошо. После досадной задержки писем в последние недели я воспринял все это с чувством благодарности. Меня порадовало, что вы выглядите немножко лучше, чем прежде, ведь во всей моей истории меня больше всего тяготит, что в этом году вы вообще лишились столь необходимого для вас отдыха. До наступления зимы вам непременно надо куда-нибудь выбраться; конечно, лучше всего, если и я смог бы поехать с вами...

Очень странное чувство, когда абсолютно во всем зависишь от помощи других. Но, во всяком случае, в такие времена учишься благодарности, и это, надеюсь, не забудется. В нормальной жизни человеку часто даже не приходит в голову, что принимаешь несравненно больше, чем даешь, что только благодарность делает жизнь богатой. Пожалуй, слишком легко переоцениваешь важность своих дел и своего влияния по сравнению с тем, что повлияло на тебя и сделало тем, кто ты есть.

Вполне понятно, что бурные события в мире, произошедшие за последние дни, потрясли здесь каждого, и всякий был бы рад принести пользу в любом месте. Но этим местом в настоящий момент оказалась как раз тюремная камера, и то, что здесь можно сделать, разыгрывается в области невидимого, так что само слово «делается» здесь, по-видимому, абсолютно неуместно. Я иногда вспоминаю «Монаха» Шуберта и его крестовый поход.

По-прежнему стараюсь читать и писать как можно больше; меня радует, что я более чем за пять месяцев заключения еще ни разу не испытал ощущения скуки. Время постоянно чем-то заполнено, но все это на фоне каждодневного – с утра до ночи – ожидания.

Пару недель тому назад я просил вас достать недавно вышедшие книги: Н. Гартман «Систематическая философия», «Эпоха Мария и Суллы», издательство «Дитерих», а теперь прошу еще об одной: Р. Бенц «Немецкая музыка». Мне очень не хотелось бы пропустить эти вещи, хорошо бы прочесть их здесь, К. Ф. писал об одной популярной книжке по физике, которую он хочет мне прислать. К. также время от времени делает замечательные книжные находки. Здесь я прочитал почти все приличные книги. Может быть, попробую снова взяться за «Зибенкеза» и «Годы шалостей» Жан Поля. Они стоят в моей комнате. Позднее ведь не найдешь, наверное, времени на это, а ведь есть много начитанных людей, которые его очень ценят. Мне же, несмотря на много попыток, он всегда казался слишком пространным и манерным.

Ну а поскольку наступила уже середина сентября, то я надеюсь, что все эти пожелания устареют прежде, чем будут выполнены...

25.9.43

...Я бы предпочел, чтобы предположительный срок рассмотрения такого дела сообщался бы сразу. Ведь в моей теперешней работе я многое мог бы организовать по-другому и более плодотворно. В конце концов, мы же так устроены, что дороги каждая неделя, каждый день. Как это ни парадоксально, но я вчера был по-настоящему рад, узнав сначала о допуске адвоката и затем об ордере на арест. Теперь, должно быть, кажущемуся бесцельным ожиданию скоро

наступит конец. Все же именно благодаря длительному сроку моего пребывания здесь я получил такие впечатления, о которых никогда не забуду... Между прочим, в ходе работы я обратил внимание на то, что свободное сочинительство, не связанное с теологией, также доставляет мне удовольствие. Но я только сейчас по-настоящему понял, насколько труден немецкий язык и как легко его испортить!..

Перечитывая письмо, я нашел, что в нем чувствуется некоторая неудовлетворенность. Мне не хотелось бы, чтобы создавалось такое впечатление, потому что это не соответствует действительности. Хотя я всей душой рвусь отсюда, тем не менее я думаю, что ни один день не пропал даром. Как и в чем отзовется этот период в будущем, пока неизвестно. Но он отзовется непременно...

4.10.43

...Стоят чудесные осенние дни, и я пожелал бы вам – и себе с вами – оказаться во Фридрихсбрунне; того же желаю и Хансу с семейством – они ведь все так любят наш домик. Но много ли на свете найдется нынче людей, которые еще могут исполнять свои желания? Честно говоря, я не согласен с Диогеном, что высшее счастье – в отсутствии всяких желаний, а пустая бочка – идеал жилья; зачем говорить на черное, что оно белое? Но тем не менее я считаю, что вынужденная необходимость отказаться от желаний на некоторое время весьма полезна, особенно в молодости; дело только не должно доходить до полного отмирания желаний, когда человека охватывает безразличие. Но такая опасность в настоящее время мне совершенно не угрожает...

Только что получил еще одно письмо от К. Мне кажется удивительным, что он постоянно об этом думает. Какое представление о мире могло сложиться в этой 14-летней голове, если он месяцами вынужден писать письма в тюрьму своему отцу и своему дяде-крестному. В такой голове найдется не слишком много места для иллюзий относительно этого мира. Для него, вероятно, эти события означали конец детства. Передайте ему мою благодарность, я уже радуюсь предстоящей встрече с ним.

Просто прекрасно, что вы еще захватили «Систематическую философию» Гартмана. Я теперь засел за нее и провожусь, наверное, несколько недель, если, конечно, меня не прервет желанное известие...

13.10.43

Передо мной стоит яркий букет георгинов, принесенный вами вчера, и напоминает мне о том дорогом для меня часе, который удалось провести с вами, о саде и вообще о том, как прекрасен мир в эти осенние дни. Одно стихотворение Шторма, с которым я познакомился на днях, как-то связано с этим настроением и не выходит из головы, как навязчивый мотив: «То так, то этак все идет, / Безгрешно ли, греховно – / Но мир земной хорош, а жизнь / Светла и полнокровна!» Для того чтобы узнать это, достаточно, оказывается, пучка пестрых осенних цветов, взгляда из окна тюремной камеры и получаса «движений» на дворе тюрьмы, где как-никак растет несколько живописных каштанов и лип. Но в конечном счете, по крайней мере для меня, «мир» сводится к тем немногочисленным людям, которых я хотел бы видеть и с которыми хотел бы быть рядом... Если бы ко всему прочему я мог бы по воскресеньям иногда послушать хорошую проповедь (ветер порой доносит до меня обрывки хоралов), то было бы еще лучше...

За последнее время я снова много писал, и для всего того, что я запланировал на день, мне часто не хватает времени, так что у меня иногда возникает забавное чувство, будто здесь – для тех или иных мелочей – «нет времени»! По утрам после завтрака, т. е. приблизительно

с 7 часов, я занимаюсь теологией, потом пишу до обеда, после обеда читаю, затем следует одна глава из «Всемирной истории» Дельбрюка, потом английская грамматика, по которой я все-таки могу кое-чему научиться, и, наконец, в зависимости от настроения, снова пишу или читаю. К вечеру я устаю настолько, чтобы с удовольствием лечь в постель, но не настолько, чтобы уснуть...³

31.10.43

...Сегодня праздник Реформации, день, который именно в наши времена может заставить снова призадуматься. Спрашиваешь себя, почему дело Лютера привело к полной противоположности тому, к чему он стремился, что омрачало ему самому последние годы жизни и даже иногда вызывало у него сомнения в смысле его жизни. Он добивался подлинного единства Церкви и Европы, т. е. христианских народов, а результатом был раскол Церкви и Европы. Он стремился к «свободе христианина», а следствием было безразличие и одичание. Он хотел восстановить подлинно мирской общественный уклад без церковной опеки, а результатом было восстание уже в Крестьянской войне и вскоре после того – постепенное расстройство всех подлинных жизненных связей и установлений. Я припоминаю полемику между Холлем и Гарнаком в период моего студенчества вокруг вопроса, пробивают ли великие духовно-исторические движения себе путь благодаря своим первичным или благодаря вторичным мотивам. Тогда мне казалось, что прав Холль, отстаивающий первую точку зрения. Теперь я думаю, что он заблуждался. Еще 100 лет назад Кьеркегор утверждал, что сегодня Лютер проповедовал бы полную противоположность тому, о чем он говорил в свое время. Думаю, что это верно – *sum grano salis*.

Еще одна просьба: не могли бы вы заказать для меня такие книги: Вольф-Дитрих Раш «Хрестоматия рассказчика» (изд. Кипенхойер, 1943), Вильгельм фон Шольц «Баллады» (изд. Т. Кнаур, 1943), Фридрих Рек-Маллечевен «Любовные письма за 8 столетий» (изд. Кейль, 1943)? Вероятно, тиражи не слишком велики, поэтому хорошо бы заказать сразу.

Недавно у меня был такой приступ ревматизма, что в течение нескольких часов я не мог самостоятельно встать со стула и даже поднимать руку, чтобы поесть. Меня сразу перевели в лазарет и сделали прогревание. Сейчас мне стало значительно лучше. Но полностью я не могу от него избавиться с мая месяца. Что, собственно, делают в таких случаях?

9.11.43

...Я очень обрадовался антологии Штифтера, это был сюрприз. Она в основном состоит из фрагментов писем, поэтому для меня почти все внове. Последние 10 дней я живу целиком под впечатлением от «Витико», который нашелся в тюремной библиотеке (после того как я намучился с его поисками), причем в таком месте, где я и не мог предположить! Эта книга на 1000 страниц – пробежать которые нельзя, надо читать спокойно – под силу сегодня, пожалуй, весьма ограниченному кругу людей, и поэтому я не знаю, стоит ли рекомендовать ее вам. Для меня же это одна из самых замечательных книг, которые мне вообще известны. При чтении, благодаря чистоте языка и целомудрию персонажей, тебя охватывает своеобразное ощущение счастья. Вообще говоря, эту книгу надо читать впервые в 14 лет вместо «Битвы за Рим», а потом расти вместе с нею. В одном ряду даже с добротными современными историческими романами, скажем Боймер, ее не назовешь. Это книга *sui generis*. Я бы хотел иметь свой экземпляр, но, наверное, достать ее едва ли возможно. До сих пор среди всех известных мне романов

³ См. также письмо от 22 октября 1943 г. в: Собр. соч. Т. II. С. 422 сл.

подобной силы впечатление произвели на меня только «Дон Кихот» и «Дух Берна» Готхельфа. С Жан Полем у меня и на этот раз ничего не вышло. Меня не покидает убеждение, что он манерен и тщеславен. Думаю, человеком он был тоже достаточно неприятным.

Как прекрасно путешествовать по литературному морю в поисках нового; удивительно при этом, что после многих годов чтения еще возможны сюрпризы. Может быть, вы поможете мне пережить еще и новые открытия?

Несколько дней назад я получил письмо от Р., за что очень ему признателен. Я с завистью думал о программе фуртвенглеровского концерта, на котором он побывал. Надеюсь, что я не растеряю здесь последних остатков моей техники. Иногда ощущаю настоящий голод по музыкальным вечерам с трио, квартетом или пением. Ухо жаждет услышать что-нибудь иное помимо криков в этом доме. За 7 месяцев, а то и больше, будешь сыт всем по горло. Но все это ведь в порядке вещей, и я мог бы не говорить вам об этом. И напротив, нельзя назвать естественным тот порядок вещей, когда у меня, несмотря ни на что, дела идут настолько хорошо, что перепадает кое-какие радости, и при всем том сохраняется хорошее настроение – а потому каждый день я исполнен чувства благодарности...

17.11.43

Когда я пишу эти строки, все семейство Ш. слушает в этот покаянный день си-минорную мессу <Баха>. Вот уже много лет она неразрывно связана для меня с днем покаяния и молитвы, как «Страсти по Матфею» – со Страстной пятницей. Я прекрасно помню тот вечер, когда впервые ее услышал. Мне было 18 лет, я только что возвратился с семинара Гарнака, на котором он весьма благосклонно обсуждал мою первую семинарскую работу и заметил, что надеется, что я в свое время защищу диссертацию по истории Церкви. Входя в филармонию, я все еще был переполнен этим, но, когда зазвучало «Кирие элейсон», все остальное в тот же миг исчезло. Впечатление было неопишным. Сегодня я перебираю одно за другим все воспоминания и радуюсь, что Ш. могут слушать, это для меня самое прекрасное из всех баховских произведений...

Сейчас, к вечеру, в доме наступила тишина, и я без помех могу предаваться своим мыслям. Каждый день я имею возможность убеждаться в том, что все люди выполняют свою работу с различным шумом; наверное, это у них от природы так. Фортиссимо перед дверью камеры не очень помогает спокойной научной работе.

С большим удовольствием перечитал на прошлой неделе гётевского «Рейнеке-Лиса». Может быть, и вам было бы приятно вспомнить его...

Первый Адвент, 28.11.43

Хотя неизвестно, как теперь будут доставляться письма (и будут ли вообще), мне очень захотелось написать вам в этот вечер первого Адвента. «Рождество» Альтдорфера с изображением Святого семейства около ясель посреди развалин полуразрушенного дома (как мог он, 400 лет назад, изобразить все это наперекор всем традициям?) особенно отчетливо встает перед глазами. И так тоже можно и должно праздновать Рождество – может быть, именно это хотел он сказать нам, во всяком случае, мы так это понимаем. Я с радостью представляю, что вы, наверное, сидите в кругу детей и празднуете с ними Адвент, как много лет назад с нами. Только теперь все это переживается с большей остротой, потому что никто не знает, надолго ли это.

Я с дрожью думаю о том, что вам обоим – никого из нас ведь не было с вами – пришлось пережить такие тяжелые минуты в эту ужасную ночь. В голове не укладывается, что в такое время сидишь в тюрьме и ничем не можешь помочь. Я очень надеюсь, что конец действительно

близок и не будет дальнейших проволочек. Прошу вас, не беспокойтесь обо мне. Из всей этой истории я выйду с новыми силами.

Вы уже наверняка знаете, что был ожидавшийся налет неподалеку от нас на Борзиг. Остается только – не очень по-христиански – надеяться, что они не так скоро снова появятся в нашей местности. Приятного было мало, и когда я наконец освобожусь, то сообщу свои предложения – что можно улучшить в таких случаях. Стекла в моей камере, как ни странно, целы, хотя почти везде были выбиты. Там наверняка теперь страшный холод. Поскольку тюремная стена частично обрушилась, о «движениях» на воздухе пока нечего и думать. Если бы только была возможность узнавать после налетов друг о друге!..

В последнее время с интересом читаю «Рассказы о прошлом» старого историка культуры В. Х. Рилия. Вероятно, вы его помните. Книга сейчас практически забыта, но читать ее очень приятно. Детям также можно читать ее вслух. Насколько я помню, у нас было несколько томов Рилия, но, кажется, мы уже давно отдали их в какую-то библиотеку.

Было бы очень хорошо, если бы вы как-нибудь принесли мне книгу о суевериях. Здесь вовсю гадают на картах: будет тревога или нет! Любопытно, что в такие беспокойные времена пышно расцветает суеверие, и многие люди, несмотря ни на что, готовы – хотя бы вполуха – слушать об этом...

17.12.43

Мне, видимо, не остается ничего другого, как на всякий случай написать вам поздравления к Рождеству. Хотя я и считаю невероятным, что меня, возможно, продержат еще и после Рождества, я за прошедшие восемь с половиной месяцев все-таки научился именно невероятное считать вероятным и с *sacrificium intellectus* принимать то, чего я не могу изменить. Между нами говоря, о *sacrificium* в полном смысле слова не может быть и речи, а *intellectus* тем временем движется своими путями.

Вы не должны думать, что это Рождество, проведенное в одиночестве, выбьет меня из колеи, нет, оно просто навсегда займет особое место в ряду самых разнообразных рождественских праздников, отмеченных мной в свое время в Испании, Америке и Англии, а позднее я смогу без стыда и даже с известной гордостью вспоминать об этих днях. Это единственное, чего у меня не отнимешь.

То, что и у вас Рождество омрачено моим пребыванием в тюрьме, и тем самым отравлены немногочисленные минуты радости, выпадающие вам в такое время, я могу преодолеть лишь уверенностью, что и вы будете думать точно так же, как и я, и что мы с твердостью и самообладанием встретим это Рождество, поскольку эти твердость и самообладание есть не что иное, как часть вашего духовного наследия, перешедшего ко мне. Мне не нужно говорить, как я рвусь на свободу, как стремлюсь к вам всем. Но за все эти десятилетия вы устраивали для нас несравненные, чудесные рождественские праздники, и благодарные воспоминания настолько сильны, что могут пересилить своим сиянием одно мрачное Рождество. Лишь в такие времена становится понятным, какое значение имеет обладание прошлым, обладание внутренним наследием, не зависящим от превратностей жизни и случая. Сознание, что тебя несет духовная традиция, уходящая корнями в глубины столетий, позволяет противопоставить всем переходящим бедам чувство укрытости, вселяющее уверенность. Я думаю, что тот, кто обладает такими резервами силы, может не стесняться и более нежных чувств, охватывающих душу при воспоминании о добром и богатом прошлом, – ведь эти чувства, на мой взгляд, можно отнести к самым лучшим и самым благородным человеческим чувствам. Все горести не могут осилить того, кто опирается на ценности, которые не может отнять у него ни один человек.

С христианской же точки зрения Рождество в тюремной камере не должно создавать особых проблем. Вероятно, что здесь, в этом доме, многие празднуют Рождество с большей

искренностью и большим смыслом, чем там, где праздник этот знают только по названию. То, что горе, страдание, нужда, одиночество, беспомощность и ощущение вины означают перед Божиим оком нечто совсем иное, чем в глазах людей, что Бог обращает Свой взор как раз на то место, от которого люди обычно уже отвернулись, что Христос рожден в хлеву, ибо не нашлось для него пристанища на постоялом дворе, – все это узник понимает гораздо лучше, чем кто-нибудь другой, для него это действительно радостная весть, а вера в нее вводит его в общность христианства, взрывающую все пространственные и временные границы, так что тюремные стены теряют всякое значение.

В Сочельник я буду думать о вас всех, и мне бы хотелось, чтобы вы верили, что и на мою долю выпадет несколько действительно радостных часов и что мрачные мысли не возьмут верх надо мной...

Как подумаешь об ужасах, постигших в последнее время многих людей в Берлине, тогда только понимаешь, что мы должны быть еще благодарны. Я думаю, что везде это Рождество будет очень тихое, и дети еще долго будут вспоминать его. Но, может быть, именно тогда и откроется кое-кому, что на деле означает Рождество.

25.12.43

Рождество позади. Оно принесло мне несколько тихих, мирных часов, и многие картины прошлого встали предо мной. Благодарность за то, что вы и все братья и сестры остались целы и невредимы во время тяжелых воздушных налетов, и уверенность в скорой встрече на свободе были сильнее всех гнетущих мыслей. Я зажег свечи, присланные вами и М., читал рождественскую историю, спел про себя несколько красивых рождественских песен, вспоминал при этом вас и надеялся, что вы после беспокойных недель наконец наслаждаетесь мирным вечером...

Новый год также принесет много хлопот и беспокойства, но я верю, что в этот новогодний праздник мы с большей, чем когда-либо, уверенностью можем спеть старинную новогоднюю песню и помолиться: «Затвори врата горя, / и пусть там, где лилась кровь, / заструятся потоки радости». Не знаю, о чем более важном мы могли бы еще просить, чего еще желать...

14.1.44

...Я сижу у раскрытого окна, в которое светит почти что весеннее солнце, и необычайное по красоте начало года кажется мне хорошим предзнаменованием. По сравнению с прошлым годом этот может быть только лучше. – У меня все хорошо. Снова могу работать с большой сосредоточенностью, с особым наслаждением читаю Дильтея...

20.2.44

Простите, что в последнее время писал нерегулярно. Все откладывал писание писем со дня на день, потому что надеялся сообщить вам что-либо конкретное о моем деле. Если тебе со всей определенностью называют сначала июль 1943 г., а потом – вы сами должны это помнить – сентябрь 1943 г. как крайний срок для завершения дела, а между тем проходит месяц за месяцем, и все ни с места, и если ты к тому же абсолютно убежден, что в ходе процесса, на котором дело будет рассмотрено во всех деталях, все должно очень просто разъясниться, и если, наконец, ты думаешь о делах, ждущих тебя на воле, тогда, несмотря на все старания, терпение и понимание, тобой овладевает порой такое настроение, когда лучше не писать писем, а некоторое время помолчать, во-первых, потому, что мысли и чувства, не приведенные в порядок, порождают только несправедливые суждения, а во-вторых, потому, что все написанное, пока

дойдет до адресата, большей частью безнадежно устаревают. Внутри всегда идет борьба за то, чтобы трезво держаться фактов, прогонять из головы все иллюзии и фантазии и довольствоваться имеющимся, ибо там, где не понимаешь внешней необходимости, начинаешь верить в необходимость внутреннюю и невидимую. И кроме того, наше поколение уже не может притязать на такую жизнь, которая полностью раскрывается в работе и личной сфере и тем самым становится сбалансированным и заполненным целым, что еще было возможно в вашем поколении. В этом заключается, видно, самое большое лишение, навязанное нам, более молодым, у которых ваша жизнь еще перед глазами. А потому, наверное, мы с такой силой воспринимаем всю незавершенность и фрагментарность нашей жизни. Но именно фрагмент и может указать снова на более высокую завершенность, недостижимую человеческими силами. Над этим я особенно задумывался, когда узнавал о смерти многих моих лучших учеников. Если даже силой внешних обстоятельств наша жизнь разлетается вдребезги, как наши дома под бомбами, то все-таки хочется видеть замысел и план всего целого, и по крайней мере нужна ясность: из какого материала возводилось или должно было возводиться само здание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.